

Смена

ИЗДАНИЕ
ВЕРНИКОВ
1941

ГРОЗА ФАШИСТСКИХ МИНОНОСЦЕВ

МЩЕНЬЕ!

Поэма АНТОКОЛЬСКИЙ

Вместный польский подвиг при торпедных катерах вылился в море, для наказания на караван вражеских судов.

Ирбейский пролив в этот час был спокойным и тихим. Чуть колыхались и туманила даль легкая дымка.

Но вот на горизонте показался столб густого черного дыма: горят немецкие танкеры, подожженные самолетами.

Капитан-лейтенант Осипов приказал приблизить хол.

Торпедные катера, взрывая, в пене и брызгах понеслись навстречу большому вражескому кораблю.

Караван немецких транспортов шёл в охранении двух миноносцев, носили торпедостроительские и авиационные аппараты. Сближение шло было чрезвычайно осторожным. Осипов знал это и продолжал дерзко вести свой крошечный отряд наближение.

Четыре десятка вражеских орудий одновременно открыли огонь по катерам. Море, гонимое волнами, побоем от взрывов. Сзади мы реально со всех сторон. Со стороны вальды: ништо, немская сила не сможет прорвать эту сплотившую завесу огня. Но безылая палла выдана также растерянность противника. Осипов унес это и, лавируя, смаял вел свой отряд вперед.

Ураганный на короткое время за домом горюющего немецкого танкера, торпедные катера выбрали дел и, поставив две дымовых завесы, разошлись в равные стороны.

Корабли противника, в смятении шаркая строй, мешали друг другу. Их сварады беспорядочно реализовались вокруг. Замешательством арга не позволили воспользоваться советские катера. Они близко подошли к каравану, выбурили торпеды, а затем стремительно развернулись и легли на обратный курс. Все надали морские ушлили ошмелее жарыя. Все торпеды попали в цель.

Огромный транспорт и два миноносца затонули в несколько минут, а побойтай сторожевые наскренили и глубоко осли в воду. Так блестяще окончилась эта несложная по своей дерзости операция.

Второй удар фашистских кораблей был нанесен в лагуне. Девь был солнечный и приполезный, когда Осипов заметил на горизонте ошмелее сгусты вражеских миноносцев. Почти мгновенно принял решение, отказный командир пошел с четырьмя торпедными катерами в атаку на пять вражеских кораблей. Фашисты же замешались откратить огонь. Все мелье своей широты они обрушили на бесстрашных советских морков.

Осипов отдал приказание приблизиться дымовой завесой, и катера продолжили двигаться вперед.

Над морем стоял ошмелеый гуд от частых залпов орудий. Сварды со светом проносились над водой от катера, разрывались ошмелее разлом.

Через некоторое время, отозвав дымовую завесу, наши катера пошли а открытую на врага.

Приблизившись вплотную, они увидели коммевую картину: немские миноносцы старались спрятаться за ошмелее друг друга. Не стали фашисты ата воздушные дымка. Советские морские не ударили дымом в гривы: все торпеды попали в цель. Один миноносец моментально затонул, а два были выведены из строя.

Через месяц капитан-лейтенант Осипов совершил еще более дерзкий подвиг. Дело было в Рижском заливе. Вечером. Шелье огромные немецкие транспорты в сопровождении ошмелее безоружных миноносцев и чотырях торпедных катерах спокойно бродили морскую гладь. Чувствуя себя хозяином в этих

водах, эскадре шла с безмятежной уверенностью.

Неожиданно на розовоюй полоске горизонта повалился дым бурный. Катись по гладкой воде, точно белые парики, они с немалой быстрой приближались к эскадре.

«Слыш, — решили немцы. — Какому сумасшедшему вздумается открыто, при полной видимости, атаковать двумя катерами семь миноносцев?»

Герой Советского Союза С. А. Осипов.

Миноносцы дали ошмелееуемый сигнал. Катери, не отнечая, шли с дерзкой скоростью.

Немцы выполнили. На миноносцы полился ошмелееуемый стрельбу из всех орудий. Громовай гуд и грохот сотрился воздуха. Над морем пронесся ураганный шивал огня и металла, который, казалось, все сметет на своем пути.

Знакомая картина! Не верные приоткрылись торпедостроительскому отряду Осипова смарать, класово-кроявая а лаво смартеуемой ошмелееу. И на этот раз морские не дрогнули. Прошло несколько минут, и они приблизились к эскадре на такое расстояние, что немцы могли видеть, как блеснули вытупленные в них торпеды.

Разделились один за другим несколько вражеских эскадр зашлило дымом, и Рижский залив отослались ошмелееу тонули фашистских солдат и офицеров.

Два торпедных катера в несколько минут подорвали миноносцев, успели тай транспорты с десантами войсками и спрылись, так же быстро и незаметно, как и появились.

За все время войны небольшая группа торпедных катерах, действуя под командой Осипова, ошмелееу 2 самолета противника и упустили в море 5 миноносцев, 4 транспорты, 2 торпедных катерах, лаворуды 2 миноносца и один сторожевой корабль.

Сейчас Осипов — капитан третьего ранга. Ему всего 29 лет. Не так давно он был старшим широкоского звонка «Сери и молот». Воспитанник комсомола, морские сдла большие вилской партии, он верностью сражается на морских просторах за честь своей отины.

За воинство, исключительную отмену и дерзость в бою этому подлинному мастеру морского боя присвоено звание Героя Советского Союза.

П. К.

Этот мальчик, упавший вничком, чудом спасшийся, в саже и глине, достигая за ночь одну старичком, Дотасился под утро полаком

Взлето до наших завьюженных линий, Рассказал он, как старшей сестре Страшный гость угрожал автоматом, Как лежала она на дворе,

Вся завидевся, вся а серебре, С голдой грудью, с пологом измятым. Рассказал он, как мать увела На ночь в погреб другую сестренку,

Как фашист, запалил волсела, Раскрыл без причины, со зла Ее светленькую головушку. Рассказал он, как вспыхнула их дом,

Как, довя в невозможном мученьи Змный воздух обугленным гротом, Умерла его мать, и о том, Как она умолила ошмелееу.

Рассказал он еще, как вели Всех прикладами а поле и, прежде Чем немцы услышали «пьяня, Уже выпалили ошмелееу земли:

— Это ваша земля! Ну и ешьте! И бойцы, услышавши рассказ, Паменела душой воспаленной, И, едва был им огдан приказ,

Ворвались той же ночью как раз В этот маленький пункт населенный. Той же ночью на карте штабной Был отмечен он красным колечком.

...Стыли в страшной красе ледяной Певы, бывшие раньше стеней, Кауб и школа с разбитым крыльцом. Ни один не ушел из гостей!

Не стали абмуры и дзюты, Широка снеговая постель. И метет-заметет метель Лом железный германской работы.

Мщене! Мщене! Ты жарче огня, Слабе будущей встреч с любимой. Вырастаешь ты день ото дня,

Мчешься, волчица вражьи гоня.— Неполюбно и неколбимо, Мщене! Мщене! Ты так разлето В грозном воздухе буря военной,

Так оправдано, так поднято, Что теба не избегнет ништо. Ну так будь же ты благоласенно!

Смелый

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 11 июнь 1942 года

Год издания XIX, издательство «Правда»

— В НОМЕРЕ: Парфова — Смелый победит танк! И. ДЕНИСОВ — На передовых аэродромах, П. КАПИЦА — Смелые разведки, А. ШАИХЕТ — Большие самолеты! Кречче удар! (Фотохроника), Б. РОЗЕНФЕЛД — «Лучше смерть, чем рабство», А. АБРАМОВ и Ю. ДОЛГУШИН — Кто это слышит: винтовка или пистолет? Чем воюют? В. ВИКТОРОВ — Глаза разведчика, П. СЛЕСАРЕВ — Война танков, В. БЕЛЯЕВ — Кто? (Рассказ), П. АНТОКОЛЬСКИЙ — Мишень! От пункта И, на запад, Последние вышка (стихи), П. ВИТРЕНКО — Станковый пулемет, Л. ЛАГИН — Страх-зрачок (сказка), На обложке: танк комсомольца Овчинникова в разведке. Фото И. Соколова.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 712. Телефон Д-3-94-24.

XLIII-207

СМЕЛЫЙ ПОБЕДИТ ТАНК!

Свою иго: танк — грозное оружие. Это знали немцы, тайно готовившие внезапно напасть на нашу страну. Они появились уже 1916 году, беруя атаку английских танков на германские позиции при Амьене и страшной дым, когда их израны был нанесен непоправимый удар. Генерал Людендорф, фельдмаршал главнокомандующий Германией, назвал тогда этот день «черным днем германской армии».

И вот немцы решили уничтожить нас, наше советское государство, нашу Красную Армию своими танками.

«Танк — вот бронированный козл, на котором персональный маршом мы пройдем по русской земле», — думали немцы. На заводах Германии и в оккупированных странах Европы были построены для этого тысячи бронированных машин; на танкостромах и в войне против Польши, Норвегии, Франции, Бельгии, Голландии и Греции выучены тысячи тактиков. И вся эта ора бросалась на нас...

Немцы, конечно, знали: воевать сразу на всем фронте, от Черного до Баренцева морей, у них не хватало сил. И тут была принята такая тактика: выбирается участок фронта и на это ограниченное пространство бросается лавина, которая должна молниеносно все захватить, все сметить на своем пути.

Так было в Польше, так было во Франции, так решили немцы действовать и в Советском Союзе. Но в Советском Союзе молниеносный удар не получился.

Немецкая армия, правда, еще имеет количественное превосходство в танках. Но ведь и мы готовились к серьезным танковым битвам. Наши заводы день и ночь выпускают все новые и новые танки. На фронт непрерывным потоком движутся составы с противотанковыми пушками, ружьями, противотанковыми гранатами. А наши воины все лучше и все больше уничтожают фашистских бронированных машин.

В огне цветущий Юг, зарею полыхают низовья Дона. Враг рвется к нашей матери-Волге, к Северному Кавказу. Остановить врага! Протянуть путь его шаптарным колоннам, которые бросают наши хлебные нивы! Сейчас — в 1916 год, и наша страна — не Германия!

Красная Армия, ее бойцы и командиры мужественно готовятся каждому удару родной земли. И немцы изменили свою тактику. Они уже не бросают, как прежде, танки вперед голыми, их останавливают на свою высоту, на своих артиллерийских и автоматических они стремятся действовать вместе с ними.

Почему? Потому что фашисты боятся наших танков,

наших артиллеристов, наших бойцов-пехотинцев.

Теперь борьбу с танками ведут не только танкисты: теперь каждая войсковая часть может уничтожить бронированные машины. В зиме время камаской пехоты на фронте и партизан а тыду немцев способны уничтожать танки врага.

Помни это, товарищ!

Немецкий танк испугает растерявшегося, не знающего своего дела бойца. Смелому танк не страшен. Смелый остановит его, превратит в груду металла.

Умелая комсомольский танк, не боги от него! Козла наступают немецкие танки, нельзя только бороться. Мало остановить их. Танки надо уничтожить, а немцев истребить всех, до единого. У тебя есть свистка гранат, есть бутылка с зажигательной смесью, есть даже слезная русская винтовка. Ты можешь победить! Или вперед, пусть ты один, а против тебя немецкий танк. Бей его! Вступай в тесное единоборство с ним. Так уже делал много твои товарищи — и они победили.

Мы уже говорили, что миллионы стрелков-пехотинцев выносят на себе главную тяжесть войны и решают ее исход. Это верно. Но ведь это верно и тогда, когда речь идет о борьбе с танком. Кто срабат с немцами танковыми дивизионами, если каждый из десяти, каждый из двадцати наших бойцов уничтожит по одному танку врага? Не жди, пока немецкие танки сами придут к нашим позициям. Ни их, молодой боец, уничтожай!

Возьмь пять гранат образца 1933 года «РГД-33». Связай их все вместе. Теперь они, как одна, являются немецкий танк... Вот он идет, человек ива повороты. Сложимо, не поворачив! Не забудь, что около самого танка мертвое пространство. Здесь он тебе не страшен. Подпусти его на расстояние пятнадцати—двадцати метров. Теперь одним взмахом метко бросай всю связку под гусеницы. Это — самое удобное место танка. И если ты бросил точно, танк обязательно вылетит из строя.

Ты видишь: в смертовых целях два глаза. Это глаза водителя танка. Он привел на нашу землю; чтобы обогнуть ее армия советских людей. Он привел и сам свою машину, а в ней танка же, как он, разобиников, чтобы сработать нас, чтобы забрать наше добро. Уничтожь его вместе с машинкой! Ты способен сделать. Ты можешь, братень, сестер, свою мать и своего отца.

Но это только один способ.

«В руках смелого бойца, — говорится в специальной инструкции, — зажигательные бутылки являются грозным оружием. Они способны

при внезапном и умелом применении не только вносить порожения, но и вызвать панику, внести расстройство а боевые порядки противника».

Многие твои товарищи таким образом вывели из строя уже не одну сотню вражеских машин. Делай и ты, как делали они. Держи готовые бутылки с зажигательной смесью.

Как только немецкий танк достигнет нужной дистанции (десяти—пятнадцати метров от тебя), бросай в смертовые щели бутылку с жидкостью. Ты слышишь жужжа машина. Танк окутается густым дымом, из-за которого немцы не увидят ни тебя, ни дороги заперты себе. Теперь, не теряя драгоценных секунд, кидай вторую бутылку, третью... Целись при этом в самые уязвимые места: в мотор, который расположен сверху. Мотор движет танк вперед. Если ты вынешь его из строя, танк дальше не пойдет. Кидай бутылку в лок армизированной брони. Если ты заклинчивь болта, немцы не смогут вести прицельный огонь.

Мы рассказали коротко только о двух способах уничтожения вражеских бронированных машин. Но этих способов, которыми может воспользоваться боец-пехотинец, значительно больше. И ты должен знать их все.

Наши воины, и прежде всего пехота, искусно умели себя отечественными противотанковыми ружьями. Это грозный враг танков. Бойцам-пехотинцам, у которых есть противотанковые ружья (их называют бронебойщиками), танки не страшны. Они показали уже в ожесточенных боях на юге. Они еще покажут себя в новых рудющих битвах.

Сегодня мы печатаем а «Смелый» статью майора П. Слесарева «Война танков». Танковая война — грозная, кровопролитная война. Танк — это оружие, которое прежде всего сделало современную войну непохожей на все предшествовавшие ей войны. Но танки есть на только у немцев; они есть и у нас становится все больше и больше и нас. Наши советские танки по своему качеству во много раз превосходят худшие немецкие броневые машины. А нашим танкистам танкам, движущимся бронированными агрегатами, не страшны никакие препятствия.

С какими дилы все жарче и жарче разгорается битва. Товарищи наши и друзья на фронте! Все больше и больше врага. У нас есть для этого все необходимые условия. Остановите немцев! Заставьте их покинуть землю. Они побегут — и земля будет дрочать у них под ногами. И тогда наступит самый черны день для Германии а самый светлый для всего свободного человечества.

На пересыях аэродромов

Полковник Н. ДЕНИСОВ

(Из записок офицера связи)

Рисунки Б. Шагалова

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Воздушная операция начиналась завтра. Размеченная шестыми кронштайнами оперативная карта ясно рисовала обстановку. Скоростные бомбардировщики, поднявшись с аэродрома центра и правого фланга фронта, устремятся на железнодорожные магистрали противника, помешают переброске резервов по шоссе, разобьют крупный узел сопротивления. Также корабли и истребители, базировавшиеся на левом фланге, обеспечат безопасность патрулирующей в воздухе и вылетами на вражеские аэродромы.

Поздно ночью генерал вызвал меня на командный пункт. На левофланговом аэродроме было небогатолюдно.

— Выясните, что там стряслось. Примите меры — приказываю генерал.

На рассвете наша легкая машина поднималась в воздух. Низко проносимся над мостами незнакомых рек. Одиноко торчат трубы каменных выжженных немцами деревень. Висит непролазный туман, взмывает в небо дымок огромная куча серого; немцы не успели его вывезти. В лесу слышно прощел угаром: то тут, то там видны завалы. На проселочных дорогах темные пятна брошенных фашистами автомобилей, тракторов, танков.

С трудом пробившись через несколько волн снегопада и тумана, вылететь подошли к аэродрому. Что это? На белом фоне летного поля востром расползлись серые, как зола, толстые змеи. Свежие воронки от бомб. Теперь понятно, чем был озабочен генерал!

— Немцы пришли ночью... торопливо складывает документы... наши эскадрильи облетели трех. Выясните там, за лесом.

Дежурный — молодой, видимо недавно пришедший на фронт парень. От его крестомы и молчаливых мезовых черт лица еще сильно позвонивает следствием инфантилизма.

— Война, лейтенант! Вчера мы тоже побывали над немецким аэродромом, сожгли пять «юнкерсов» и склад горючего.

Дежурный, заметив поворот, отвечает к старцу. Ему надо принять законченное на посадку звено истребителей. Мой пилот свободно гуляет под мотушиными поседениями на морозе кронштайных тяжелых бомбардировщиков. На многих кораблях работают моторы, скоро эскадрилья вылетит в боевую операцию.

Наша машина останавливается возле землянки истребителей. Рядом с плоскостью, изпод снега, вымускуло дуло зенитной пушки. Это — немецкое орудие. Аэродром был недавно занят фашистами. Они так спешили отсюда, что оставили даже несколько десятков тонн горючего.

Командир истребителей — капитан Алексей — явно удручен зловещим блеском этого — немецкого орудия. Аэродром был недавно занят фашистами. Они так спешили отсюда, что оставили даже несколько десятков тонн горючего. Потом капитан рассказывает подробности на-

лета. Днем, как раз в момент заправки, из облака вывалилось несколько «хейнкель». Несколькими нашими истребителями вылетело наперечуть. Машина Старикова от самой земли вылетела крупной боевой разворот.

— Отлично, командир, отлично! — кричали оставшиеся на земле.

Свалив из снегового облака, выскочил еще один немецкий самолет и дал длинную очередь по машине Старикова. Она загорелась и с малой высоты врезалась в землю. С тремя «хейнкель» тут же разделались: двух свалили сразу, еще одного — в погоне.

Так вот что здесь произошло! Немцы знали этот аэродром: раньше они базировались на нем. Через свою агентуру — на кладбище выжженных штурм с радиоперелатчиком — они проложили, что тут садится наши тяжелые корабли. Их дневной налет — это была разведка. А ночью — пробное бомбопадение.

Выход ясен. Когда обстановка аэродроме базировались на бывшем немецком аэродроме, гледи в Об. Тщательное расследованием и маскировку самолеты, усилив воздушные патрули, обеспечить многолюдный зенитный огонь. А если уже сумели немцы, выследили их базу и разгромили ее упрямцами аэродром.

Вместе с капитаном подготавливаем боевой состав. Торючим инженером с ремонтом моторов второй эскадрильи. Уточняем по карте залузу на конец дня. Планом операции предусмотрено, что истребители нанесут удар немцам одновременно с двух аэродромов.

— Имейте в виду, — предупреждает капитан, — к 15 часам на поддержку придет два звена «Яков». Новенькие, прямо с завода.

Капитан построил дулом. Еще бы! Шесть советских «Яков» спрят по крайней мере должны «эскадрильи».

Выйдя из землянки, оживленно взглядом аэродром. Прогуливал моторы и ушли в сторону фронта тяжелые корабли. В кабинках дежурных истребителей сидят настоящие летчики. Капитан инструктирует своего помощника. Инженер с механиками уже готовят места для новых самолетов.

— Здесь все в порядке, — говорю я своему пилоту, — пошли дальше!

Сбежав время, вылетаем прямо от землянки, по целине.

Вот и второй наш аэродром. Сбавив газ, замечаем крупящих на стороне «юнкерсов». Прижимаемся к земле, просякляем своим мимом еще несколько минут садимся. На этом аэродроме разведчики. Начальник штаба докладывает: «Вчера бомбили колхозку на Минском шоссе; сегодня должны нести глубокую разведку». Он озвонен возросшей анимационной активностью истребителя. Советуемся с ним, как рассредоточить самолеты, услышать маскировку.

На командном пункте открываю карту и подтверждаю необходимость разведки в Н-ском районе. По сведениям штаба, там гнездятся

притенящая с глубинного аэродрома немецкая эскадра. Повидимому, омыто и пылающее. Бомбить наши площадки. Ночью она должна быть разгромлена. Служит продолжительное время авион «ПБ-2», широко расставим двухмоторные хвосты, владая вырви сиея, поило на вылет.

Летим дальше. Видимость улучшилась. Курс лежит совсем близко к фронту. Но горизонт чист. Нам облетают след, знакомые до изначальных четких боевые самолеты. Операция началась. Вот идет девятка длинноносых скоростных бомбардировщиков. Их цель — крупная железнодорожная станция. По ровному снегу скользят тени штурмовиков. Через четверть часа они выскочат из-за гребня шоссе к мосту. Там они ударят в толзу немецкой колонии, а потом, когда машины стурдуют тлабором, вылетят еще в еще раз. Над нами кружат патрули истребителей. Мы салуемому друг другу глубокими кривыми своих самолетов.

Внизу вылетел створ горячий самолет. Должны в вырде. По всем признакам это «Мессерингит-109». Как он был облет? Зенитной или истребитель? Да во все да разное! Главно — не летать поближе фашистскому тылу! Отменяю на карте это место, и мы берем курс вверх по реке, прямо заземленной снегом.

ЗАСАДА ИСТРЕБИТЕЛЕЙ

Операцию говорю, вперем мычть не троеко. Чуть мимо этой площадки. Ничего не выдало се в воздухе. Глазо тинно развлекать площадку, по которм улетают аэродром и выжидались на седне переносе, стуроба, натуко заметное снежное шоссе. Но где-то здесь должны сидеть истребители. Вот извратила выемца лес. Картерская излучина реки. Здесь, только здесь!

Вспры, сбивая в кровь озбиные палы, закладывая в ракетину сигнальный патрон. Легкий хлопок «звездра». Рассыпан гусские искорки, цветная ракета крошится за хвостом самолета. Внизу, на непроштотой белесине снега, отвлото всплывают черные немцы малеямоко посадочного «Ст».

Во время посадки створе уталяваю, чем вижу, прямо зарпавляете в кустарник белы самолеты, безвозвратны, масдекрее. У стуроба — да это совсем не стуроба, а раница — чь-то знакомое лицо. Растеивающийся, без ювоя комбинация, мелкой шлем с подбитыми кронштайнами, порывистые движения. Ватоника, да ведь это Брак! Старый колдега по Дальнему Востоку.

— Воистину, майор?

— Сидит, где сидел!

Мы обнимаемся. Брак тут же жере меня: — Давай, прачь майнаву... Туда, в сляк... Видли грохочущую несколько разрывов.

— Бомбит Кротовой! — всколыхнула Брак и, размазывая руками, побежал к кустам.

Оттуда слышалась реке, вселмляющиеся звуки протретаемых моторов. Брак останавливался посреди площадки и сивя шлем, взглянул

наверх. Под облаками барражировало звено его эскадрильи. Подумав, он зыркнул вбок — увидел самолет. Из кузов выдвинулись три прамотора «ЛАГТ». Глухо взбурился моторами, они покатали в небо.

Бряк вовремя поднял самолеты. Крадучись, с юга к соседнему аэродрому входили пять «мессерингтов». Завязалась бой. Патрулирующие «ЛАГТ» насыпались из немцев сзади, пока их стали обстреливать огнем зенитных пулеметов.

В мустанки снова послышались звуки запускаемых моторов. Бряк вытнул руку со шлемом, как бы придеряжива готовых сорваться с места летчиков. Британцами в центре площадки, отсюда за бок, чтобы в нужный момент вмешаться в него и послать подводу.

«Не выдержав огневой встречи, «мессерингты» распались. Трое, взяв разные курсы, устремились в облака. Двое, плотно прижавшись к земле, на полном газу поехали к югу. За ними гнался ястребный «ЛАГТ».

— Догони, догони! — размахивая бьюном, кричал какой-то моторист.

Но плотные, густые сумерки заставили прекратить преследование. Широко расставив шасси, «ЛАГТ» заходил одна за другой на посадку и, приземлившись, быстро заруливали в куеты.

Летать начинал, когда эта полоска была широкой и пологая шагом, — гордился точными посадками, сказал Бряк.

За несколько суток летчики создали на снеговой целине искусно замаскированный, годный для колесных шасси аэродром. Немцы, ежедневно рыскал по небу, до сих пор не обнаружили площадку.

Ночью, в брэнчетной русской избе при тусклом свете керосиновой лампочки мы с начальником штаба размечали завтрашний боевой день. Начатую операцию следовало поддержать несколькими ударами из этой засады. На карту нанесены разрозненные восьмерки — условный знак воздушного патрули, подсчитывалась время полета до намеченных целей, составлялся график штурмовки. Время от времени мы, прищипывая, заходили на крыльцо. Небо было закрыто облаками. В воздухе слышалось урчание моторов. Уловив знакомые тона, мы говорили «своим» и возвращались к работе. Операция продолжалась безостановочно до этой ночи.

...С утра истребители приступили к боевым полетам. Пока на моей машине разогревали мотор, я разговаривал с начальником штаба. Прохаживая около раши, он бросал орманы, засканные фразы. Время от времени он пассивным взглядом окидывал горизонт, небо, прищипывая к высье облачности, оглядывался, тут ли Бряк, и снова возвращался к начатой мысли.

Соблаго пришлось помыться с маскирокой! Народ уверяет: можно, зной летать не умеют...

— В начале зимы они действительно свернулись...

...да... потягивали осенью... трудности зимней эксплуатации... Только надо смотреть глубже. На тыловых аэродромах. Немцы там тренируются, готовят кадры. Собираются вернуть свое положение в воздухе. Видите? Облетайте площадку!

Держа курс на запад, по горизонту крались два «мессерингта». Люди быстро разбежались в укрытия, народ стал к зенитным пулеметам и пушкам.

Бряк, приготовившись — приказал начальнику штаба.

Немцы шли стороной, но замечая засады. Выждав их подхода к холмам, Бряк вынул сзади из кузов пару «ЛАГТов». Брежимм полетом, как и было намечено, они помчались в след за «мессерингтами».

Спустя десять минут радист принял короткое сообщение. Истребители, выследив «хвост» место посадки немецких самолетов, доносили координаты их аэродрома. У Бряка уже все было готово. Он сам повел два зенитных пулемета на цель. На линии фронта от их грозных теней немцы шаркались в стороны, прятались в стругбы, залезали в промерзшие, покрытые инеем окопы. Но летчики бе-

регли свои патроны и снаряды для более важных операций.

Бряк прекрасно знал местность. Он вел зениты самым скрытым путем, проскальзывая по долинам, лавино перескакивая через пригорки, иногда спускался ниже залуженных снегом крон сосняка. «ЛАГТы» вынырнули в жарескому аэродрому из-за леса. Большую полосу накрест пересекла темная взлетная полоса. На ней в зенитную трубу стояли четыре «юнкерса». Еще три машины осторожно заруливали к опушке леса. Над площадкой маячил похожий на осу «хейхель».

Первый пушечный залп зениты дали по опушке леса, где немскими очертаниями проступили силуэты немецких самолетов. Взмывшие вверх елки и сосны отделили стонку фашистских машин. Теперь каждый «ЛАГТ» действовал самостоятельно. Ястребу гуля моторами, изгибались в крутых разворотах, наши самолеты обрушили на аэродром снопы зажигательных и бронебойных пуль. Еще раз снаряды. Еще пулеметные очереди. Кто-то, взяв выше, в упор пришил снарядом «хейхель» — тот облетел пламенем, ухукал в лес. Справа, с холма, вспыхивал краснопятый точками зенитный пулемет. Бряк спикировал на него — и огоньки выстрелов погасли. Опушка леса горела. Четыре кюстры дымилась на летном поле.

Бряк покачал крыльями самолета. «ЛАГТы» быстро пристроились в пеленг и, выпустив на последнем заходе оставшиеся патроны, ушли за лес. Сзади густой широким висел черным дымом, встали острые края пламени.

...К вечеру, облетев еще несколько площадок, я вернулся в свой штаб. Перед докладом генералу выхожу из здания в аппаратную. Телеграфист наклонялся над банкой, увеливая последние бумаги. Докосили из засады истребителей: эскадрилья Бряк, вылетев повторно, встретила группу немецких бомбардировщиков и, завязав с ними воздушный бой, сбился еще три вражеских самолета.

НА ЛОЖНОМ АЭРОДРОМЕ

В ту ночь надо было обязательно обмануть немцев и облегчить выполнение одной важной операции. Ночные бомбардировщики должны были разрушить крупный оборонный пункт фашистов. Генерал направил меня на И-ский аэродром.

Первое, что бросилось в глаза при посадке, был фюзеляж с большими желтыми крестами на фюзеляже, вытолкнутому зарывшимся в снег немецкий транспортный самолет. В стороне высились обветшалые куски крыльев, узорных, пеллоидных колпаков. На ядро повороту сквозь прозрачную корку льда проступала черная сыпактика.

У уловках снегомат бастинковом, возле кустарника, стояли наши легкие бомбардировщики. Сзади них курилась голубоватым дымком большая землянка. Вдалеке темнели постройки железнодорожной станции. Еще дальше торчала ферма разрушенного моста.

...В сумерках самолеты вылетели. Они должны пересечь лавно фронта и, часто меняя курс, разойтись по своим целям. Вернувшись ночью, они следи на другую, неизвестную фашистам площадку. Здесь, на ложном ночном аэродроме, осталось лишь несколько бойфов ко главе с бойком, задорным лейтенантом да металлической гримазой «Ю-52».

Меленько надвигается ночь. В центре поля тускло мерцают огоньки бойцы выключают из фонарей подобие посадочного знака. Присев рабочей площадкой время от времени свивает луч небольшого прожектора. Слева светится еще несколько фонарей.

— Декорация готова, — критически оглядывая аэродром, говорит лейтенант.

Подума, он отдает распоряжение: прибавить пар фонарей на северном углу площадки. С воздуха они будут казаться огрательными огнями.

Затянутое тумачи небо не пропускает ни луны, ни звезд. Тихо. Только километрах в трех от нас, пробивая тумачи, заселенный ночью, пахучи грузовиками с боеприпасами, продвигаются вперед.

Спускаемся в землянку. В камельке купно потрескавший березовые полена. Дышит па-

Так кончилась воздушная подопина,

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Рисунки Г. Балахова

II. КАПИЦА

ром большой медный чайник. На століке из смолетных горбылей телефон, карта, книжка для записи распоряжений. Лейтенант откинул от вром начал ватты, и мы точно рыбакса начинаем ждаты: не клюнет ли хоршая, жирная щука на нашу удочку? Клюнет! Вопрос лишь во времени.

Наверху остался наблюдатель.

— Семенуку! — зовут лейтенант.

— Семенуку здесь, — приглушенно доносит деревянная труба коло бойца.

— Тихо?

— Тихо, товарищ лейтенант. На юге прошел наш самолет.

— Около полуночи наблюдатель бросил тревожное слово: — Идут!

— Проекторку подсветить! — на ходу приказал лейтенант.

Мы вместе выбежали наверх. С запада нарастал противный, ноющий шурш немецкого мотора.

— «Юнкерс» — решили мы.

Справа прошил небо острый луч проекторки. Скользя по кромке облаков, он упал на землю и несколько раз дзиннул корпус «Ю-52». Мотор внезапно затих. Потом штыле его послышалось с другой стороны, но уже тихо, удаляющейся.

— Клоную! — засмеялся лейтенант. — Теперь придет в гости.

Немецкий разведчик ушел. Тогда в нескольких километрах от нас жемолотили огонек, показавшись молочный свет проекторки. На установленном аэродроме садился вернувшийся с боевого задания наш корабль.

Мы снова спускаемся в землянку. Лейтенант записывает посещение фашиста в журнал. Выкурив еще по одной цигарке, плотно застегнувшись и наткнув на руки перчатки, выходит наверх. И как раз вовремя. С прежнего направления, видимо держась дороги, шло несколько самолетов. Характерный звук немецких моторов нарастал все сильнее.

— Подсветить! — распорядился лейтенант, и в облака снова врезался луч проекторки.

— Поганцы! — скондаловал лейтенант.

— Моторы фашистских самолетов гудели над нашими горами.

— Сейчас пойдут, — прошептал лейтенант, оттащив меня за руку к щели.

Сверху засветило. Это шли бомбы. Глухо ударила об землю и на мгновение всплкнула ярким красным пламенем, очко легли одна на другой возле куста на северной стороне земляшки.

Опыт засветило. Теперь звук казался, шел прямо на нас. Плаотне прихватились к снежным стенкам щели, мы глубоко юборили головам в плечи. Серия легких осколочных бомб разлалась с острым визгом. Ближние формации погасли.

Приглушив моторы, немцы ушли на запад. В чистом, морозном воздухе крепко запахло порохом, гарью и тем особым запахом, которым отдает металл, оставший после большого пожара.

— Серант Манухин, — позвал лейтенант, — замените три фонаря возле кустов. Да быстрее обратно. Они снова придут.

Трех над камельком озвизбе руки, я продиотал доноситься. «Да товарищеса бомбы пошлачку. Сброшено шесть фуганых и десять осколочных. Жерва нет. Ожидано второй шпелон».

...Через час налет повторился. Теперь были сброшены и зажигательные бомбы. Шип и плава снег, они озарили площадку. Желтоватое ближнее пламени отразилось за темным фоюзелем «Ю-52».

В третьем налете немцы обоглели. Синившись до полусотни метров, один самолет дважды прошел над аэродромом, старательно строча из пулеметов. Он метил по фонарям.

В перерыва между налетами адали всплкнули огоньки, светил проекторку. Там спойкой во залетали и садились наши бомбардировщики, заканчивая начатую несколько дней назад большую воздушную операцию. Пожонной аэродром лейтенанта, приняв на себя все клевики фашистов, обеспечивал наша боевые полеты.

Дул сильный ветер. Море с каждым часом становилось все более пенным и шумным. Уже темнело, а сморские охотники продолжали еще далекий путь. Катера свешали. Ревы моторами, как самолеты, идущие на бреющем полете, они мчались полным ходом по залузу.

Работ, куда направлялись «морские охотники», был одним из опаснейших. На каждом шагу здесь бы на расталеным мине. Влаг обстреливал этот участок из тяжелых береговых батарей.

На мостике заднего мотора стояли в шлемах и касках бушлаты командир сморского охотника Власов, его помощник молодой лейтенант Творогов, исполнявший обязанности штурмана, рулевой Пятушевлев и сигнальщик Чередицкий.

Вглядываясь в спугнувшую темноту, рулевой с трудом держал катер в кильватер идущего впереди корабля. Вот уже пройден один поворот, второй, третий... Лейтенант Творогов докладывает, что через пять минут они будут у линии дозора. В ответ он слышит залупанным ветром голге командира: — Держать кильватер!

Творогов подносит к глазам бинокль и с левого края мостика аглядается в будущее мгу, стараясь разглядеть далеко ушедший головной катер. «Высокая сегодня волна, — думает про себя лейтенант, — такая отчетливо мнну. Выступит в провалы... малая осадка же снесет!»

И сразу, точно в ответ на свои мысли, он ощущает резкий толчок, слышит глухой сильный взрыв под кормой. Огромный столб воды, прозинявшийся флюгетовым пламенем, обрушивается на командирский мостик. Творогов инстинктивно вырвет голову в плечи и хватается за поручни...

На миг становится нестерпимо темно и тихо. Потом густою тинию взрывает громкая пальба крупнокалиберного пулемета. «Почему он стреляет без командера? — не может понять лейтенант. — Впрочем, пулемет ведь все время был на «отселе», наверное, залезла кемибудь гапшук».

А оживив пулемет, точно решив самостоятельно отбиться от невидимого врага, продолжал выпускать в ночь длинную струю зеленых и красных трассирующих пуль. И никому было его останавливать. Почти вся корма, начиная от левого края мостика до правой пулеметной тумбы, окаялась оторванной.

Лейтенант ощущал себя: «Цель! Посмотреть по сторонам! «Цитого!» Только отгаду-то слышу, из будущей воды, звания на помощь и глухо доносится голге командира. Трудно было понять, о чем он кричит. Творогов лишь уловил обрывок фразы: «...завратить горловьяны...»

Надо было спасать катер, людей, действова- быстро и решительно. А Творогов все еще не мог примириться с мыслью, что катер подорвался и тонет. Но, увидев одного из краснорылец, готового прыгнуть за борт, он вдрут понял, что все обязанности командира лежат теперь на нем. Он приложил руки рулю- рому ко рту и крикнул: — В воду не бросаться! Всем на правой борт!

И сам удивился, что голос его не дрогнул, а был громким и решительным. Властность его тона почувствовали и краснорылец. Он по привычке выгнулся и машинально ответил: — Есть не бросаться!

На носу катера начали собираться оставшиеся люди. Лейтенант, сойдя с мостика, пересчитал их и приказал всем осмотреться, задрать переборки и горловины.

Командир катера лейтенант Власов от сильного толчка при взрыве вылетел за борт. На миг он потерял сознание, но холодная вода, клещами охватившая тело, быстро привела его в чувство.

Волной и ветром отнесло его в сторону. Он инстинктивно старался держаться у катера и продолжал выкрикивать свои приказания. На какой-то момент он увидел над волной голову моториста Мельникова.

— Держитесь! — приказал Власов.

Работая ногами и загребая правой рукой, он доспелся на помощь мотористу.

Тот еще издали начал докладывать громким, но вынужденным и прерывистым голосом. — Товарищ... нянт... удавались Власов... переболело... аную руку... обожгло глаз...

Мельников держался за подернувшуюся ему под здоровую руку пуховую подушку. Но она могла служить опорой еще минуту — две...

Власов сделал несколько сильных гребков, подтолкнул мотористу своей спасательной крты и помог ему удобнее устроиться на нем. Чтобы волны не разбедили их, он ухватился за штурт, свисавший с крты, и поплыл рядом с Мельниковым, подбадривая и поддерживая его.

Столб воды обрушился на командирский мостик.

Теперь их далеко отнесло от катера; они едва различали его в темноте.

— Товарищ лейтенант, далеко ли до берега? — спросил Мельников.

— Берет — не спасение для нас, — змуро ответил командир. — На южной стороне моря, а на северной финны. Не пытайтесь куда-нибудь плыть, берегайте силы. Нам обязательно поберут, — твердо прибавил он, хотя сам он не очень верил в свои слова.

Он пытался реально представить себе обстановку. Они сейчас одни, беспомощны. Предположи, что на головном катере слышали взрыв, что они вернутся к месту аварии. Возможно, Власов и Мельникова начнут искать. Но ведь их отнесло все дальше и дальше, разве найдешь дух пловцов в безбрежном просторе моря? Да, положение не из веселых. «Их зрелище», — подумал Власов, взошла выходящая на тяжело дышавшего моториста, — падать духом не надо.

Бурки давно слетели с ног Власова, но что-то тянуло его вниз, цепляясь за ноги. «Или сползает, или держится он, — Буду стрелять, — может быть, услышат».

Приказания лейтенанта Творогова выполнялись точно и быстро. Уверенность и внешнее спокойствие помощника командира убедили краснофлотцев, что он знает, как выйти из трудного положения.

Крен катера стал доходить до шестидесяти пяти градусов. Где же головы? Он ведь слышал взрыв, почему не идет на помощь? Правда, можно открыть стрельбу из пушки, но палуба привлечет внимание врага.

Чтобы уменьшить крен, Творогов приказывает всем лечь на правую борту. Люди послушно выполняют его волю. Они испуганно смотрят на лейтенанта. Один и тот же вопрос рождает сердца всех: «Что делать, если к катеру подойдут вражеские корабли? И, отвечая вслух на эти мысли, Творогов говорит спокойно и твердо:

— Если к нам подойдут немцы или финны, живыми не сдадимся! Мы имеем пушку, пулемет, три винтовки и мой пистолет. Дать их будем до последнего. Кто? — глаза его загораются мрачной решимостью.

— Ясно! — отвечают краснофлотцы, и кто-то из старшин добавляет: — У нас еще и гранаты есть.

Катер кренится все больше и больше.

Матросы тунтуют, как часы. Все молчит. Лейтенант первый не выдерживает тишину молчания и приказывает рулевому сигнальнику:

— Товарищ Помлод, достаньте из ходовой рубки ракеты и ракетницу!

Помлод исчезает в темноте. Через минуту он возвращается:

— Ходовая рубка затоплена!

Лейтенант делает вид, что не понимает его, и строго официальным тоном повторяет:

— Я вам приказал достать ракеты и ракетницу.

Помлод стоит несколько секунд без движения, затем круто поворачивается и снова прибегает к рубке.

В темноте он протискивается в узкий проход, ныряет в воду, нащупывает под банкой пистолет Ври, хватая ракеты и спешит с ними скорее к командирю.

Создав с ракеты набухшую обертку, лейтенант с трудом заряжает пистолет, вскакивает к рубке с трезубом. Желтый пламя медленно катится в вышину и, оставая за собой толстую дорожку и вспыхивая, расщепляется золотым дождем.

Лейтенант долго всматривается в темноту; море сверкает, вступает. Он выхватывает вторую ракету и снова возвращается до реки в глаза вглядывается в темноту. Кто это? Точка... Маленькая, еле мерцающая пыльке точка...

Иду! Наши идут!

Головной катер приближается неслышно долго. Творогов кричит командиру головного отряда, чтобы подождать лагом и с правого

— Выложите! Давайте оторого!

борта, иначе поврежденный катер перевернется. Но в это время как раз набежавшая волна подбрасывает головной катер и он ударяется форштевень в правую скуду изувеченного катера.

От удара крен еще больше увеличивается. Катер совсем ложится на борт. Уже ясно виден его киль. Сейчас он перевернется...

Творогов приказывает морякам встать за леера, леерные стойки и повиснуть на борту, чтобы удержать катер подальше хотя бы в этом положении.

На головном катере решли подать швартовы. Но штурм услышали. Швартовы гудят от напряжения и с треском ломаются.

Нужно искать другой выход для спасения людей. Творогов принимает рискованное решение: «Вздумай прыгать за борт, пусть вываливаются по одному».

Командир головного катера согласен: — Давайте первого!

— Первым прыгает краснофлотец Помлод! — объявляет экипажу Творогов.

Помлод, с трудом удерживая равновесие, поднимается во весь рост, молча прощается со всеми и прыгает в откатывающуюся волну.

Он подхватывает его, обволакивает пеной и уносит в сторону.

Все напряженно следят за его борьбой с морем. Мокрая голова и полостые плечи Помлода мелькают то здесь, то там и пропадают из виду...

Через несколько минут с катера сообщают: — Вылезли! Давайте второго!

Вторым поднимается плечистый и рослый командир отделения рулевых старшина Панфилов.

— До встречи, товарищи! Прощай, катер! — злобно выкрикивает он, но не удерживает равновесия и падает в провал между волнами...

Его сразу накрывает тяжелый вал, бьет головой о борт, и... больше его никто не видит.

— Вынимай! — сдавленным голосом проносит Творогов. — Третьим прыгает воентехник Фадеев!

Ему жалко послать товарища в этот колодезный ад, но для спасения людей надо действовать твердо и решительно.

Вскоре на борту накрененного катера остаются только лейтенант Творогов и командир Чердынченко. Последний рындает, чем помануть, пробравшись к радиорубке: «Не заперт ли там радиотель? — потом постукал в кубрик: «Не отвечает ли кто? — и, убедившись, что никого нет, доложил лейтенанту: — Мною проверен радиорубка и кубрик. Людей не осталось».

— В воду! — торопит его Творогов.

— Есть в воду!

Комсору хотелось бы обнять лейтенанта, крепко расцеловать с ним, но этим сейчас заниматься некогда. Он машет рукой и прыгает.

Теперь Творогов один. Прежде чем покинуть корабль, он в последний раз забирается в свою штурманскую рубку. Он стоит по пояс в воде и вспоминает, что еще ему нужно сделать: «Связать и разорвать карту. Вот так... А где? Палка с согнутыми документами. Но ее оставить нельзя. Сжечь?.. Спички подмокли. Надо утопить. Где же взять балласт?»

Он шарит руками по углам, нащупывает бронзовый чернышый прибор, привязывает его крепче к шпакле и бросает за борт.

Ходить по палубе невозможно. Он ползет, цепко хватаясь за снасти, встуты, леерные стойки, а еще раз проверяет все помещенные. И только после этого, сложив руки рулоном, кричит о том, что оставляет катер последним.

В ответ сквозящий вой ветра и шум волны к нему доносится:

— Прыга-ай!

Творогова сминает высокая морская сапоги. глазами прощется с родным дорогим ему катером и ныряет в вихрящуюся холодную воду.

Сначала ему плывется легко. Он работает руками и ногами, но головной катер не приближается к нему, а наоборот, подгоняемый ветром, удаляется. Творогов терпит дыхание. Китель связывает его движения. Лейтенант хочет избавиться от него. Он уже расстегивает несколько пуговиц, но тут вспоминает, что в боковом кармане хранится партизанский билет. «Пережить его некуда — утопить. Что же делать? — слабая, думает он. — Впрочем, чего и мучаюсь, пусть тонет. Мне другой выдувет. Этот ведь все равно не годится: рамочек нет! Губить? — так с партизанским билетом? — решается Творогов и плывет в кильде дальше».

С боку налетает крутая волна. Она сильно бьет в лицо, забивает ему носдри и рот, перекатывается через голову. Он задыхается, глотает с отвращением соленую воду. Волны его резко ослабляют. Он набирает воздух и легким и кричит во всю мочь:

— На катер!.. Вас отнесит, подхोите ближе!

Его услышали, катер приближается. Воспрянув духом, Творогов начинает работать с удвоенной энергией...

БОЛЬШЕ САМОЛЕТОВ—

Скоро вереницы крылатых машин покинут цех.

Посмотрите на воздушный сплюсок слева. Не правда ли, трудно предположить, что здесь, где высятся громады цехов, еще недавно гулал из стальных просторов ветер? Подлив осенью прошлого года И-ский самолетостроительный завод, уходя из-под удара врага, обосновался на новом месте. Надо было очень быстро, в рекордный срок, восстановить корпуса цехов, наладить выпуск грозных боевых машин. В те дни стояла лютая стужа, Холодное железо прилипло к рукам, его отдирали с кожей. Пока один рабочий обрабатывал детали, второй грел руки у костра. Теперь все это в прошлом. Давно пущен в ход комбайнер. Одна за другой поднимаются с заводской площадки эскадрильи боевых самолетов и летят на запад.

Сотни, тысячи людей трудятся над тем, чтобы по замыслу конструктора вдохнуть жизнь в мертвый металл, сделать его крылатым. Война ускорила рождение самолета. Отказавшись от сна и отдыха, работают молодые авиастроители. Многие из них по праву называют себя фронтовиками тыла. Все свое умение, старание, весь задор юности вкладывают в труд комсомольцев-фрезеровщиков Тарармиков, слесаря Колесникова и многие десятки других юношей и девушек завода. Они поклялись своими

Все для фронта, все для победы! Эта мысль вдохновляет молодых самолетостроителей. Слева — фрезеровщик-комсомолец Тарармиков. Он в пять раз перевыполняет норму. Справа — мастер-комсомолец Попов, один из перевойсков завода.

Молодежь сборочного цеха обсуждает текст ответного письма летчикам.

Слесарь Колесников за подвески бомбы. Он отлично работает, 360—400 процентов дневного задания — вот его рапорт фронту!

КРЕПЧЕ УДАР!

Фотоочерк А. Шайхета.

Трудом приближать желанный час разгрома врага...

Самолеты готовы: вершины крылатых машин движутся к распахнутым воротам сборочного цеха. Во дворе их берут на буксир тракторы и тащат на заводской аэродром. Поглядите на снимок сверху — длинной шеренгой выстроились знаменитые самолеты-штурмовики «ИЛ-2». Сейчас эти машины пройдут строгий, придирчивый экзамен в воздухе. И только после того, как скажут свое веское слово летчики-испытатели, стальные птицы покинут свое гнездо и возьмут курс на фронт.

Не так давно группа летчиков Невского авиационного полка прислала письмо молодым самолетостроителям. Летчики звали заводскую молодежь еще усерднее трудиться, дать фронту больше машин. Они писали: «Фронт для фашистов является наша штурмовики, от которых гитлеровцы терпят свои головы и технику... Каждый из нас, когда идет на выполнение боевого задания, твердо уверен в победе, ибо все мы хорошо знаем боевые качества своих машин. Это письмо летчиков вызвало большой подъем среди молодых самолетостроителей. Колхозники и молодежь сборочного цеха решили организовать новые фронтные бригады, чтобы досрочно выполнить весенний заказ. Сообщив об этом летчикам, молодые рабочие писали в заключение:

«Дорогие друзья! Мы будем давать больше продукции, а вы просите как следует использовать наши машины, чтобы каждый вылет был новым ударом по озверевшим фашистским стервятникам».

На заводской площадке. Одна за другой поднимаются отсюда взкармливаемые боевыми самолетами и летят на запад.

Это летчик-комсомолец Комкин. Он только что испытывал новую машину.

Авиоконструктор Ильяшкин и мастер пилотажа Коккичкин (в центре) беседуют с летчиками на заводской площадке.

Летчики, прибывшие на завод для получения машин, осматривают самолет, который только что испытывал в воздухе комсомолец Комкин.

Летчики-штурмовики орденоносцы (слева направо) капитан Сериков, капитан Одищев, лейтенант Торов, старший лейтенант Боголов, подписавшие письмо комхозмольцам.

Собрание в Н-ском авиационном полку. Выступательно слушают пилоты ответ молодых самолетостроителей.

Еще раз, еще! Молодые пилоты своего боевого товарища, летчика Боложина, он получил сегодня орден Ленина.

ХРАБРЫЙ ЭЛЬЗАСЕЦ

Восемнадцатилетнего Марселя Вейнема хорошо знала иродически парабоевой Эльзас. Он дорожил досклад гитлеровская этот отацкий и несогласный на выдуми паранель. То он вместе с группой товарищей в течение ночи срывал доск фашистские плакаты и афиши, то выкрывал на магазин портреты «форера». Нередко, просыпаясь утром, жители города с изумлением видели, как ветер волочит французские флаги на общественных зданиях, там, где вчера висели полотна с фашистской свастикой.

— Храбрый эльзасец! — говорила о Марселе жители Эльзаса.

Группа патриотов, возглавляемых бесстрашным Марселем Вейнемом, перерезала телеграфные и телефонные провода, портила железнодорожный путь, пускала под откос поезда с немецкими солдатами. Только один участник отряда лично уничтожил 100 немецких грузовиков.

Полтора года действовала хорошо организованная группа Марселя Вейнема. За это время патриоты совершили сотни актов саботажа, направленных против поработителей Франции.

Недавно Марсель Вейнема был схвачен и расстрелян. Молодые патриоты Эльзаса отомстили за смерть своего боевого товарища, отдавшего свою юную жизнь за Свободную Францию. Пройдет время, французская земля будет освобождена от ита немецких оккупантов, но жители Эльзаса никогда не забудут храброго эльзасца Марселя Вейнема!

Голос молодой Франции

Не так давно в кармане убитого немецкого фельдфебеля Иоханна Фойхта были найдены два номера негласной французской комсомольской газеты «Авангард». Повидимому, гитлеровская часть была переломлена на советско-германский фронт во Франции, и немецкий фельдфебель уронил с собой, глубоко зарытый во внутренний карман, старые, но чем-то дорогие для него номера французской комсомольской газеты.

Два номера «Авангарда» датированы июнем 1941 года. В одном из них сообщается, что Германия аэроломно напала на Советский Союз.

«Для освобождения родной Франции, ради победы и окончательной победы над гитлеровскими поработителями дос встанем рядом с мужучи и непобедимым Советским Союзом!» — под таким лозунгом вышел этот номер газеты французской патриотической молодежи.

В газете помещено воззвание, выпущенное французскими комсомольцами.

«Французский комсомолец — читаем мы здесь, — стоящий во главе французской молодежи, одной в альянсах с фашистскими разбойниками, которые пахали на разоренную Францию тяжелое иго национально-го угнетения, искривляя и исторически прилетает готую советскую молодежь, непобедимую Красную Армию, которая борется за родную честь и свободу и которая разгромит Гитлера...»

Гордо поднимем голову. Наша Франция будет жить, достойная своего героического прошлого. Бой будет жестокий, но он не запугает нас. У насней молодежи были сильные предшественники, и они указывают нам путь: бороться за свободу и независимость Франции...»

Мы услышали голос молодой гордой Франции, с полнотой головой сражающейся против поработителей. Голос ее долгие летел лихой, найденный в кармане убитого немецкого фельдфебеля...

Еще ისეთо военное производство в США было относительно невелико. В год в Америке выпускалось 5 тысяч бомб и всего лишь 2404 самолета. Типов изготавливалось и того меньше. Но мастера, производившие в 1940 году, вместо настоящих танков частично применялись Деревянные макеты.

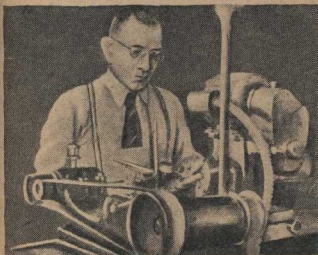

Сейчас положение резко изменилось. По программе, предложенной президентом Рузвельтом, уже в 1941 выпускается 60 тысяч самолетов и 40 тысяч танков, а также большое количество комсомольских. На верхнем снимке учебные занятия танкистов — танк-амфибия плывет в «мистулени». На нижнем — тренировка аэродинамической полеты. Десятки самолетов летают бестопливной полосу.

ГОЛ КВИСЛИНГУ

80 процентов войск США укомплектованы спортсменами. Сейчас военные совершенствуют трудящихся тренировочные полки, готовят и предстоящих бою на европейском континенте. На снимке: войска в учебном походе.

О растущим энтузиазмом используют американские рабочие оружие для борьбы за независимость и независимость своей страны. Для волевого возврата гитлеровской Германии. Посмотрите на верный символ. Это 18-летний волевым Ральф Галвин. Он отказался от выходящих дней. Семь дней в неделю работает он у станка.

На заводах, производящих оружие, возвращаются старшие. Вот Чарльз Спир. Ему 72 года. Он вновь стал у станка, отказался от дна отдала, чтобы своим выпаряющим трудом доказать существование прав.

— Мы не проиграем войну, если каждый из нас осознает, что значительные интересы страны на фронте — высокая доблесть и честь — так горит американцами. На фото: молодая американка принимает и руку своего друга, уходящего в армию, она же различает.

Вот уже несколько караванов судов с американскими войсками вернутся с фронта и высадятся в Северной Ирландии. Американцы готовятся нанести удар по Германии на европейском континенте.

Упорно, изо дня в день, сопротивляющегося норвежцы новому порядку, который пытается установить в стране предатель Квислинг. Дух сопротивления охватывает буквально все слои населения. Даже мастера футбола и лыж — люди не слишком искушенные в политике — сумели превратить спорт в арену смелой борьбы с фашизмом.

Квислинг сделал попытку переворота на гитлеровской лод норвежские спортивные организации. Спортсмены ответили на это забастовкой. Они просто отказались заниматься спортом. Во главе забастовщиков стал членский лидер по мячам Бенгтсен. Началась ожесточенная борьба, в которой квислинговцы применили все средства — от кнута до приника. Известных спортсменов, отказавшихся подчиниться «новым порядкам», квислинговцы погнали на принудительные работы в Северную Норвегию, где они должны работать на немцев. Девянацать человек из Тронхейма, шестидесять из Ловока из Стокгольма отправлены в концентрационные лагеря. Почувствовав, что репрессии не сломили сопротивление спортсменов, квислинговцы решили изменить тактику: они обвинили, что спортивным обществам будут возвращены стадионы, заванные германскими войсками. Стадионы, действительно, были освобождены, но спортсмены не явились на площадки.

«Любитель» немцев

В Бельгии в большом ходу расказ об одном эпизоде, происшедшем в Брюсселе.

Однажды вечером германский офицер прогуливался по городу и остановился возле витрины магазина. Неподалеку стояли двое рабочих и оживленно беседовали. Один из них сказал в заключенное разговор:

— Я предпочитаю двенадцать часов работать на немцев, чем два часа на бельгийцев.

Эту фразу услышал германский офицер. Он подошел к бельгийцам:

— Если я не ослышался, вы сказали, что предпочитаете работать двенадцать часов на немцев, нежели два на бельгийцев?

Рабочий ответил утвердительно. Офицер пришел в восторг. Он спросил бельгийца пройти с ним в кафе и повторить там свои слова. Возражений не последовало. Через несколько минут фашист подошел бельгийского рабочего к находящимся здесь германским офицерам и весело сказал:

— Вот преданный вам человек! Друг мой, не стесняйся и повтори в присутствии всех то, что ты мне сказал наедине.

Находящийся в кафе публика заинтересовалась и стала прислушиваться к разговору.

— Я вполне серьезно подтверждаю то, что сказал вам наедине: я согласен лучше двенадцать часов работать на немцев, чем два на бельгийцев.

Гитлеровский офицер самовольно ушел. Его товарищи ослепительно похлопали рабочего по плечу. Окружающие из бельгийцев недоуменные молчали. Наконец один из немецких офицеров спросил рабочего:

— Как тебя зовут?

— Луи Лебан.

— А какая твоя профессия?

— Я гитловщик, — ответил рабочий.

Бельгийцы разразились дружным хохотом. Скромные германские офицеры молчали.

ЧТО СИЛЬНЕЕ: ВИНТОВКА ИЛИ ПАРОВОЗ?

Этот вопрос покажется многим смешным. В самом деле, разве можно сравнивать маленькую, легкую русскую винтовку, весящую вместе со штатком и ремнем 4½ килограмма, с огромным, тяжелым паровозом, тянущим за собой длинейший хвост вагонов? Однако математический расчет приводит к удивительным выводам.

Пуля весом 9,6 грамма выбрасывается из ствола винтовки со скоростью 805 метров в секунду. Громадная скорость, почти втрое превышающая скорость звука! Мы привыкли определять скорость движения количеством километров в час. Если рассчитать в привычных величинах, получится, что скорость вылета винтовочной пули превышает 3 тысячи километров в час! Но, перевитывая скорость, вылета пули, мы отбрасываем от основного вопроса.

Итак, зная вес пули и скорость вылета ее из ствола, нетрудно подсчитать, что для сообщения пуле такой громадной скорости нужно затратить 366 килограмметров работы. Конечно, килограмметры — не очень ясно ощущаемая для каждого читателя величина, но мы скоро избавимся от нее и придем к величинам более близким и понятным.

При расчете нам нужно еще учесть, что выстрел происходит в очень короткий промежуток времени. Всего в 1/680 долю секунды. Подсчитывая мощность, мы в физике принимаем всегда количество работы в одну секунду. Значит, чтобы подсчитать мощность выстрела, нам нужно наши 366 килограмметров взмножить на 680, а затем перевести в привычные лошадиные силы. Вот тут-то мы и получаем удивительный результат: нетрудно увидеть, что мощность выстрела составляет свыше 3300 лошадиных сил!

А ведь мощность паровоза — 2 тысячи лошадиных сил. Выходит, что мощность выстрела гораздо больше мощности паровоза! Значит, совсем не смешной вопрос мы задали в начале этой статьи...

Предвзвешанный читатель скажет, пожалуй, что паровоз свои 2 тысячи лошадиных сил отдает непрерывно, секунду за секундой, час за часом, а винтовка, цеская, развивает свою мощность в 1/680 долю секунды, а потом она не работает до следующего выстрела. Это, конечно, верно. Боевая скорострельность нашей магазинной винтовки образца 1891—1930 годов — 10—12 прицельных выстрелов в минуту. Значит, мощность винтовки намного меньше подвешиваемой зами.

Если бы винтовка давала по выстрелу в секунду, мощность ее была бы в 680 раз меньше 3300 лошадиных сил. Так как на самом деле в секунду приходится 3/4 выстрела, мощность получается еще в 5—6 раз меньше — всего одна-две сотни лошадиных сил.

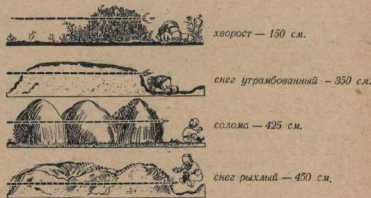
Но мощность выстрела мы подсчитали совершенно правильно и точно. Не нужно только смешивать мощность винтовки с мощностью выстрела. В заключение мы допустили некоторуювольность...

Громадная мощность выстрела сообщает пуле такую скорость, что она пробивает:

- кирпичную стену в 20 сантиметров толщиной,
- слой песка в 70 сантиметров толщиной,
- слой глины в 100 сантиметров толщиной,
- слой чернозема в 140 сантиметров толщиной,
- слой хвороста в 150 сантиметров толщиной,
- слой утрамбованного снега в 350 сантиметров толщиной,
- слой соломы в 425 сантиметров толщиной,
- слой рыхлого снега в 450 сантиметров толщиной.

Трудно укрыться врагу от пули такого русского стрелка. Недаром в «Наставлении по стрелковому делу» для Красной Армии говорится, что винтовка — наиболее действительное средство для поражения одиночных живых целей: открытых, замаскированных, двигающихся и лежащих в короткое время.

ПУЛЯ ПРОБИВАЕТ:

Чем воюют?

В самом деле, чем воюют? Попробуйте задать этот вопрос разным людям. Все ответят по-разному.

Одни скажут: воюют пулями, снарядами, минами, бомбами, гранатами. Другие: винтовками, пулеметами, пушками, минометами.

Третьи: танками, самолетами, автомобилями, а если сказать короче — моторами.

Кое-кто, вероятно, еще больше углубит свой ответ и скажет: воюют станками, заводами, металлами, деревом.

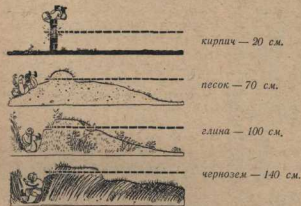
Но эти ответы верны лишь отчасти. Основное ускользает от внимания отвечающих.

Судите сами. Пули, снаряды, мины, бомбы, винтовки, пушки, танки, самолеты только тогда становятся орудиями боя, когда они приводятся в действие.

Следовательно, нужна сила, которая заставляет бы действовать эти боевые средства. Нужна энергия.

Чтобы бросить пулю, снаряд или мину, на взрыв использовать энергию пороха. А винтовка, пулемет, пушка, миномет — это только специальные приспособления, машины, которые используют энергию, заключенную в порохе.

ПУЛЯ ПРОБИВАЕТ:

ГЛАЗА РАЗВЕДЧИКА

В. ВИКТОРОВ

Ход сообщения шел под дом, в полумраке наблюдательского пункта. Нахев встал и увидел сразу две амбразуры, доску с телефонами и ходики, высидевшие на оклеенной, осыпанной пылью стене. Он потонул к шестериковому биноклю, висящему на груди, и дальние холмы разом приблизились, словно чье-то могучая рука приподняла их поближе. — Кусты замешивали на склонах. Артиллерийский разведчик Нахев смотрел в бинокль не шурша, так, как летит обычно очень меткие стрелки, и уходил все дальше вперед, в аэрионное пространство. Он разглядывал все вокруг своими чудесными глазами, проносящими так разведывательную за их зоркость. Его глаза были настолько точные, что Нахев никогда не сдвигал окуляры бинокля с нужного деления. Он искал бурки, разглядывая край дыра в чердаке. Запомнил е! Вой хитро замаскированный осып. Пролетев его ильби, разведчик наткнулся на правивший холмик. Едва заметные цепи прорезали мирный аэрионный слог. Да!

Гвардейская артиллерийская часть заняла новые позиции за железнодорожным полком, и гвардейский разведчик Нахев должен был научиться идти для огневого налета на участке шириной в три километра и глубиной в пятнадцать.

До сумерек сидел Нахев с тремя разведчиками своего отделения. Он открывал от бинокля только для того, чтобы сделать новую пометку на листке бумаги. К вечеру на этом листке были нанесены все кусты, кочка, холмик, деревца, дома. На полях осып стобами было записано:

«Деревца — 18

Кочка — 50

Домов — 14

Кустов — 67».

Все, что можно было заметить глазами, на заношим усталости, запомнилось, подвигивалось и отменялось на листке.

На следующее утро, подошла к амбразуре, Нахев прошепел всего пересчитал все, что хотя бы на полметра возвышалось над землей. Он знал: за одну ночь могут появиться новые холмы, вырасти новые рощи. И в самом деле, там, где вчера высилась дуга холма, появился третий, а на вершине одной высоты оказалось сразу пять кустов. И вот в журнале разведчика записаны первые числа:

«Ориентир № 5: левее 090 — дзот. Ориентир № 3: левее 080 — минометная батарея».

Теперь, зная наперед все кусты, Нахев хотел разведать, что скрывается под каждой веткой. Часами наблюдал он за едью различными даже в сильный бинокль бургом. Возле бургок то появлялись, то исчезали фигуры людей, едья улыбок, скорее угадываемые, чем видимые. Он долго разглядывал подозрительную дыру в веткой крыше, а под вечер луч солнца вдруг вспыхнул там световым пучком и стало ясно, что на крыше установлена стероуба. Немецкий наблюдательный пункт!

Он следил за лугливым немцем, ползущим по полю, пересчитывая грузные комочки на далекой дороге, проникал в газздо снайпера, хитроумно вырытое а траве, к орудиям, укрытым в кустах, и на крышу тихого дома, где сидел, пригнувшись, немецкий наблюдатель. И когда это удавалось, в журнале появлялись две строчки — засеченная цепь.

Весь день артиллерийский разведчик сидел в подгусте у амбразур и не сводил

бинокля с далеких холмов. Только что оттуда ударила минометная батарея, он не успел по стружке дыма здесь ее место. Сколько еще часов придется ему ожидать, чтобы снова ее прозвонить?

Вон там, под деревьями, немцы поставили ложное орудие — брэнно. Пусть торчит, но где-то здесь должно быть сол — скрытая огневая точка, самая трудная цель. Все глаза можно просмотреть, пока напущивает притаившееся немца. И вдруг клубочек пыли от скучной очереди взлетела в воздух, и Нахев в тот же миг засек то место, где лежал пулеметчик.

Через неделю Нахев знал все изгибы и завиты немцами деревне так, словно побывал а них, отчетливо представлял он себе места, где стояли батареи, пулеметы, танки. Последним он засек еще один сол, и эта цепь была тридцать шестой. Тогда-то Петр Нахев, который по прерзанной своей был исподход, не ударился и шагнул а дальним своего участка. Он даже не заметил, как это произошло. Сверху он увидел за деревьями осыпями амбразуры крупными черепаша, затем, зеленые отрезки травы, потом, хрупкие стелбы прошлогодичного полдоскура, а за ними поле, где лежала «мштрахка», как называют артиллеристы нашу похотку. Еще дальше рядами стояли прошлые-то годами немцев, а за ними — лопыни и холмы, с которых он не спускал глаз всю эту неделю, возмешнее ему это цорто. Потом мелькнули дальние высоты, за которыми он уже ничего не видел, а он все смотрел вперед, и перед его глазами возникли Курск, зеленые громады Брянского леса, разливный Гомель и островоченные шипы Белосток. Он смотрел вперед и видел все эти места так ясно, словно они отражались в стеклах его бинокля. Шестое января и гур разрыва разрушило его назад. Едва упар, еще один, а Нахев узнал голос гвардейских орудий.

«Заговорили», — подумал он, пристально смотря туза, где среди фальшивой рощи, а лопине, у дома с дыркой крышей, выдвинулись к небу столбы осыпочно-зерной земли.

Орудия были все разом без промаха по целям, найденным им а по долгие дни, когда он сидел у амбразур, не отрывая бинокля от своих светлых, асых глаз разведчика. Орудия были по его тридцати шести целям.

Танки, самолеты, автомобили переносят по земле и по воздуху эти приспособления для стрельбы туза, куда нужно. Они переносят также а озерно, авиационную в пороке. Но а сами танки, самолеты, автомобили приходится а движение энергии. Только получают они энергию не из порока, а из бензина.

Заводы и фабрики обрабатывают материалы машинами, которые производят а движение электрической энергии.

Таким образом, можно сказать, что воюют энергии. Несколько сумм порока и скажем точнее: на поле боя воюют энергии порока. Порок — движимое вещество, и далеко не все знают, какие аэрион энергии таит он а себе.

В винтовочном патроне помещается маленькая кушка крошек желтоса-коричневого цвета. Всего 3½ грамма порока. И эта кушка порока забрасывает пулю весом около 10 граммов более чем на 3½ километра! Ни один солдат не в состоянии сделать ничего подобного.

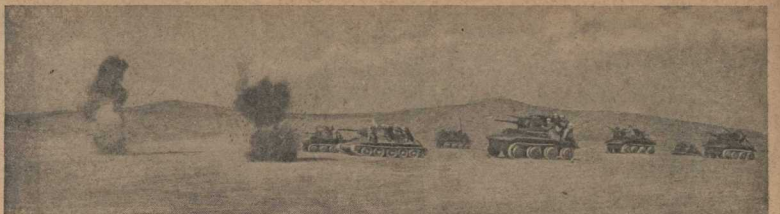
Когда боек ударника разбивает капсюль патрона, порох вспыхивает и горит с колоссальной быстротой. Собственно, не горит, а молни-

всно взрывается, разлагается, обращается в газ. При этом а очень короткий срок выделяется невероятное количество газов. Газы давят во все стороны и, найдя самую слабую сторону — домиком пули, — выбрасывают ее из амбразур с громадной скоростью.

Энергия, заключенная в пороке, выделяется и обращается а движимые пули. Теперь пуля несет часть энергии порока и, встретив на своем пути препятствие, проламывает его, расходуя полученное а порока движение. Становя свое дело, пуля сломал, как и до аэрионной, становится неподвижной. Это всего лишь только маленький безобидный кусочек металла.

Каждый боек в сумке на пояском ремне несет патроны — энергию войны, колоссальную энергию, заключенную в желтоса-коричневых крошках аэрионного порока. Неплохое движение аэрионной — энергии порока обращается а существующий полет пули, несущей разрушение и смерть.

А АБРАМОВ и Ю. ДОЛГУШИН.

Танковый десант.

ВОЙНА ТАНКОВ

Майор П. СЛЕСАРЕВ

Танки появились в первую империалистическую войну. Принято считать, что изобретены они в 1915 году. Точнее было бы сказать, что в четвертый раз танки изобретены в 1915 году.

Еще в 1912 году изобретовед из Ноттингема подал в английское военное министерство чертежи своей «вездеходной машины». Изобретателем не позовало. На его проекте после войны удалось обнаружить краткую резолюцию: «Этот человек ботан».

В том же году австралийец Мэри продолжил проект «вездеходной машины». Но и это изобретение было забыто. Наконец, уже во время мировой войны, танк был одновременно изобретен английскими и французскими офицерами.

Так за четыре года танк изобретали четыре раза. Случайно ли это? Нет.

В середине июля 1918 года фронт между Германией и Францией выстоял стабилизировался, что ни одна из воюющих сторон не в состоянии была прорвать наступление. Люди, тобою крети, все глубже зарывались в землю. Пулеметы и пушки, установленные в глубокие окопы, встребали все живое, что появлялось над поверхностью земли.

Но, времени чем добираться до живой силы противника, нужно было смести все его оборонительные сооружения. На это тратилось много сил, а эффект получался незначительный. Более трех месяцев длилось знаменитое фландрское сражение. На поле боя осталось двести тысяч немцев и четыреста тысяч англичан. И что же? Ценой огромных жертв англичане захватили около земли... площадью 14×9 километров.

Минутный расчет отправляется на боевую операцию.

Фландрское сражение окончательно убедило воюющие страны, что техника наступления бессильна перед техникой обороны. Пехота больше не могла решать исход боя. Она ужасалась в поминание, который, оставшись сии неуязвимым для артиллерийского и пулеметного огня, мог бы уничтожить живую силу врага, его пулеметы и артиллерию. Такими помощником могла быть только бронированная машина.

И вот в феврале 1915 года в Англию приехали за работу комиссия, которая должна была изучить казавшиеся многим фантастическими проблемы «вездеходной» и «ползучей» боевой машины. Конструировали такой машины было поручено инженеру Траубену и лейтенанту Вильяму, которые вскоре и разработали проект танка. Назвали его «маленький Виллис». Вот что писал по этому поводу полковник Свинтон:

«Моряки изготовили первый экземпляр гусеничной машины, которая способна переходить через канавы шириной в сто тридцать пять сантиметров и вращаться вокруг своей оси подобно собаке, у которой на спине сидит хозяин...»

Так из поля сражений появились танки. Защищенные броней, они не боялись пулеметного огня, рвали без труда проволочные заграждения, перелезали на свих гусеницах через окопы и порожали противника огнем. За танками шла пехота и занимала неприступные позиции.

Всю силу танков показали в знаменитом сражении под Камбрэ. Здесь они впервые были использованы для массового удара.

Триста семидесят восемь танков пошли в наступление на немецкие позиции и навели огромный урон врагу. Только за один день боя немцы потеряли до семи дивизий (из десяти) и вынуждены были отступить тридцать километров по фронту и одиннадцать километров в глубину.

В сражениях под Камбрэ, Суассоном и Амьеном окончательно определилась тактика танков.

Особенной тактики был принцип массированного удара. Танковый кулак пробивает оборону противника и расчищает путь пехоте. Опыт показывал, что если танки входить в бой небольшими группами, они быстро гибнут, не достиг-

нув успеха. Вторая тактическая особенность танков того времени заключалась в том, что в наступление они шли длинной цепочкой по фронту: воль обороняющегося противника было сосредоточено на всем протяжении гусеничной полосы,—за танком приходилось буквально «выжуривать», «выжимать» врага из каждого окопа и блиндажа.

Далеко в глубину вражеской обороны танки заходить опасались. Они были тихими, скорость перемещения не превышала семи километров в час, не могли с собой брать много горючего (его хватало не более чем на пятнадцать—двадцать километров). И все же при всем несовершенстве своей тогдашней конструкции танки внесли в планцовый бой познания. Действовали они почти всегда вместе с пехотой. В первую империалистическую войну танки изучались тактическому взаимодействию с родной пехотой. Но это было полдела. Нужно было еще учиться добиваться оперативного успеха. Эту задачу танки решили много лет спустя.

В момент нападения на Польшу Германия имела пред- или даже четырехкратное превосходство в танках. Польша не выстояла против этой стальной лавины. Спустя примерно год фашистская Германия двинула свои бронетанковые полчища против Франции в Англию. Французская армия также была слабо механизирована. В момент мобилизации она имела тысячу семсот пятнадцать легких современных танков, четыреста пятнадцать средних, сто тридцать тяжелых и пятсот легких танков старого образца. Во время войны танковый парк Франции увеличился на восемьсот легких, двести средних и двести пятьдесят тяжелых танков. В то же, не считая устаревших образцов, к моменту решающих битв Франции располагала двумя тысячами танками: тысячею легких танков, тристаю средних и двестию тяжелых.

В то же время Германия имела до пяти—пяти с половиной тысяч танков. Из них четыре тысячи сразу же приняла участие в боях, а остальные держались в резерве. Возможно, что такое численное превосходство не сыграло бы столь решающей роли, если бы не качественные преимущества немецких танков. Прежде всего, треть танкового парка Германии составляли тяжелые и средние танки, тогда как во Франции преобладали обратная пропорция. Французские пулеметные танки оказались легкой мишенью для тяжелых немецких танков. Эти структурные недостатки действовали стремительно и подорвали авиацию.

В боях на полях Беллеть, Голландия и Франции определилась тактика немецких танковых войск—массированный удар по всему радиусу действия и тесный контакт с авиацией. Знаменитые немцами «шлемы», «железные» и «кобальды» считались фашистами тогда самыми верными приемами.

Начав вероломную войну против Советского Союза, гитлеровские германцы действовали по этому, уже заранее испытанному шаблону. Однако то, что пришло им на ум, легло уже на заложенную в основу войны, оказавшись наполовину о двух ямках на востоке Европы.

В первую же сражения наши танковые заводы на взаимодействии с другими родами войск вступили в битву, имея под командованием своим командирам на всем протяжении фронта. Несмотря на то что бои почти всюду приходилось вести в неравных условиях, фашисты несли тяжелейшие потери от огня наших танков. Для этого применяли тактику, например, прорывали танковые сражения на мосты через реку Вислу у города Аленгута.

Здесь только в танковую атаку немцы бросили до двух своих танковых дивизий. Третья дивизия обходила два наших мотомеханических полка с юга. Протягивая легкого советских машин немцы двинули почти исключительно средние и тяжелые танки. Тем не менее мы удерживали мосты в течение всего дня. Бой продолжался в основном при свете обстрельных огневых осколков, подожженных танков и ракет, которыми они то и дело оседали местность. Огня и беспрерывные меткие маневрирование и отличная выучка наших танкистов позволили врагу прерваться только через Вислу. Ишь на следующий день, когда в тыл нашим танкистам ударила свежая вражеская дивизия, они отпихнули на немцев оборонительную борьбу.

Также же ожесточенные бои происходили и на других участках фронта. В одном сражении, например, с обеих сторон принимало участие не менее четырех тысяч танков. Большинство из них были немецкими. Но и они не решились уступить бою. Наши танкисты прорвали вражеские танковые колонны еще задолго до того, как они выдвинулись вражеские колонны на марше, устраивали засады в лесах и селениях, на перекрестках дорог, отступая из разбитых машин от тыла.

Уже к осени прошлого года стало очевидным: тактика немецких танковых соединений порочна и авиаторствитна. Она могла приносить успех — и то лишь временный — тогда, когда они величинами молниеносно.

Однако добиться победы немцы танковые колонны не могли ни группами, ни в отдельных и в отдельных. Безразлично сколько танков их продвижения. К тому же еще в районах, удаляемых от главных направлений маневров, можно было наткнуться на партизан. Именно поэтому немецкие танковые войска упрямо прикрывались «дорожной» тактикой. Их «доскобонная» стала умело использовать части Красной Армии.

Расчет был такой. Пусть немецкие танки, наступающие свободно прорвутся по дороге в глубь нашей обороны. Этот удар переиграют юги и болельники, но несмертельны. Как ни велика ударная сила танков, они недовольны. Чем дальше продвигаются танки по глубь территории, тем больше они обеспокоены: ведь тыл не в состоянии хорошо снабжать их горючим, боеприпасами, запасами, а также и экипировкой — продуктами. Поема мы уничтожили, не желая услож-

нить наши положения, обходим вопрос о расширении территории, занятой прорвавшимися вперед танками.

Но вот прошло уже несколько часов, сутки, вторые. Немецкие танки, лишенные нормального питания, вымученные, остановились, чтобы подлатать свои танки и произвести ремонт бы техникерской машины. В этот момент вражеские танки особенно беспомощны: дороги, по которым они шли, находится уже под ударом наших войск и танков; фашистской же пехоте, которая слезает на арьергарс к своим обескровленным танковым войскам, приходится пробиваться через территорию, снова занятую нашими частями...

Такой метод перехвата коммуникаций прорвавшихся немецких механизированных сил был не раз и весьма успешно осуществлен советскими танкистами при содействии пехо-

ты и артиллерии. В результате немцы, как будто и добившись охвата одного из флангов наших войск или даже полного окружения отдельных частей и соединений, сами попадали в окружение, а так называемый «железный меч».

Для понимания современного боевого характера танковых сражений, развернувшихся в начале мая на полях Ползовского. Разгром немцев под Москвой, Ростовом, Калинин и Ленинградом не был простейшей тактической задачей. Сложнейшие расчеты и подготовка. Бой велся в исключительно тяжелых условиях, более невыгодных для нас, чем для немцев. И все же фашисты потерпели поражение. Наши войска успешно осуществили наступление на фронте длиной почти в три тысячи километров.

Как это произошло?

В боях под Тулой, Серпуховом, Звенигородом, Солнечногорском и т. д. наши танки оставались немцами. Действительно они уже не могли вступать в бой с большими группами внезапно атаковали колонны врага, уходя в засады вражеские машины, прорываясь в тыл, на фланги и т. д. Эти самостоятельные группы фашистские были в достаточной степени изуродованы и обескровлены, настала удобная момент для нанесения решительного удара. Вражеский был быстрее осуществлен.

В этот период боев наши танковые войска применяли самую различную тактику. Каждый из них строго соответствовал требованиям с конкретной обстановкой. Но все действия танков сводились к одной цели: окружить и полностью уничтожить самостоятельные группы. Это достигалось почти всюду.

Наши танки часто разрезали группировки врага на части. Прорываясь глубоко в тыл, они окружали фашистов, уходя в тыл их их колонн и резервов. Там, где это было выгодно, советские танкисты скрывали силы врага на второстепенных направлениях и вели массовый бой по его флангам и тылу. Нередко, наконец, наши танкисты прорывались в тыл врага, перерезали его коммуникации и заставляли бросить целиком свою боевую технику. Удары танков умело сочетались с действиями кавалерии, десантиков — автоматчиков и лыжников.

Эти подвижные группы, внезапно появляющиеся в тылу врага, часто обманывали, нередко ночью, в метель и туману. Именно наступившее преследование врага и позволяло танкистам быть фашистам непрерывно, методически и всегда там, где это было нам особенно важно и выгодно. Немцы с трудом, и то лишь на короткий срок, отрывали от прорывающихся частей. Вскоре их снова постигали наши танки и свивали со случайных, далеко еще не подготовленных к обороне групп.

В течение лета, осени и зимы прошлого года мы научились не только бороться с вражескими танками, но умели сами маневрировать, успешно уничтожая целые бронированные фашистские орды.

В наших войсках танки, как и конница, в воздухе очерчили область боя, создавая условия для решения задач оперативного характера.

ТАНК

Что значит слово «танк»? Это — название так называемого «танка», было придумано для того, чтобы засекретить являющиеся изобретения в 1915 году броневые машины. Если бы германское командование захватило или получило бы через своих шпионов какие-либо документы, в которых упоминались «танки», оно все равно не могло бы догадаться, о чем идет речь.

Условно название «танк» так и осталось за немцами машинами и в остальном в языках всех народов мира.

ТАНК-КУЗНЕЧИК

Широкие и довольно длинные ряды из явилась предельно совершенные танки. Некоторые особенно широкие так и считаются даже впереходными. Если ширина ра больше половины ширины танка, поперек него так пройти не может. Долго и упорно работали конструкторы над тем, чтобы сделать танк вседорожным. К обычным танкам они приделали специальные приспособления (опорки), которые так назвали танки «крякаты».

Английский танк, снабженный такими опорками, прогнал через рвы и окопы шириной примерно в полтора раза больше нормальных. Но в 1933 году американский конструктор демастеризовал приключил танка через ров шириной в 10,5 метра. Причем этот танк не только развел больше нормальных, альных приспособлений. Он просто развел максимальную скорость и с района перепрыгнул через ров.

АМФИБИИ

Есть такие танки, которые могут переплывать реки. Называются они амфибиями.

Первый амфибийный танк был создан в США в 1923 году. По воде он передвигался с помощью винта со скоростью 12 километров в час. При испытаниях амфибийный конусо-гусеничный танк переплыл реку Гудзон шириной в 1800 метров.

Танки-амфибии имеются на вооружении армий всех великих воюющих стран.

ТАНК-САМОЛЕТ

Танк родился как сухопутное средство борьбы. В дальнейшем своем развитии он стал плавать, потом «летать» и оставалось только одно — научиться летать. И он научился. Еще в 1932 году американский конструктор Кристи разработал тип максимально облегченного биомоторного «танка». К нему прикреплялись крылья и авиационный пропеллер. Возле танка являлся одновременно и самолет. При взлете так делал разбег на гусеницах, и как только он набирал необходимую скорость, мотор быстро переключался на воздушный винт — танк отрывался от земли.

Летающий танк не выдерживает в обычных условиях, а в специальных аэродромах — в этом его большое преимущество.

Конструкция летающих танков строго засекретена. Мало известно и о размерах строительных работ крылатых грома. В нынешней войне летающие танки еще не применялись. Но, кто знает, может, уже не в горячие дни, когда танк отрывается от земли и подается вперед. Вот как конструктор Валентер Кристи рисует картину будущего сражения:

«Война в разгаре. На горизонте появляется нечто, а внизу напарно летают эскадрилья атакующих самолетов.

Внезапно становится ясно, что медленно снижающиеся машины являются не чем иным, как бронированными танками, снабженны-

ми крыльями. Они опускаются на землю. Крылья сбрасываются, и эскадрилья атакующих танков, идет в атаку, сев кругом смертью танков.

Иначе говоря, такти применяются главным образом для того, чтобы вывести слуховой удар врагу и тем самым помочь выжить или план операции.

Так, а ходе войны возникла новая, советская тактика использования танков.

В чем она заключается?

Ниротнглдсе авиаторнтической немецкой тактнке, жеслн танкн прорываюл далеко вперед, не обращая внимания то, как продвигаются нехотые подразделения, наши танки действуют в лесном и строгим взаимодействии со всеми друмиими родами войск.

Опыт Отечественной войны явилея способностю немцев организовать действия танков. Одни танки никогда не смогут добиться полного решения боевой операции. Вся сила и мощь танков скрывается только тогда, когда их действия тесно сочетаются с действиями других родов войск. Танковые колонны хороши лишь в тех случаях, если на них накладываются пехотные колонны. Появление танков в глубоком тылу противника оправдывается лишь тогда, когда там незамедлительно появляется и пехота. И это понятно. Танки обладают известной дальностью хода, но сами они не в силах очистить большой район от оборонившихся войск. Тем более танки не в состоянии выдвигаться на занятую местность. Это под силу лишь такому универсальному роду войск, как пехота.

На одном из участков Северозападного фронта танковый батальон поддерживал наступление стрелковой части на сильно укрепленный пункт гитлеровцев. Наступление было проведено успешно. Что обещало победу? Обратимся к описанию процесса подготовки наступления и самого боя.

«Командир части, организовав взаимодействие, поставил танкам посылную задачу и принял меры, чтобы обеспечить наилучшие результаты их работы на поле боя.

Во-первых, командир танкового батальона получил от командира части достаточно полное сведения о противнике, т. е. о направлении переднего края немецкой обороны, о расположении взводов возле деревни, огневых точек в домах и сараях. Танковый начальник боя предупредил также о естественных и искусственных рвах, котрые имелись за деревней и не просматривались с нашего наблюдательного пункта.

Во-вторых, танкетки получили подробные данные о расположении неприятельских заграждений и своих минных полей. Танкетки точно знали, где имеются проходы в своих минных заграждениях.

В-третьих,— что необходимо особенно подчеркнуть—танкетки получили столько времени на подготовку к атаке, сколько им было

необходимо. Они сумели прозондировать тыловую часть местности, а местами подошли к исходным позициям. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в условиях осенней распутицы и угрозы воздушного нападения.

Если не разведен путь к исходным позициям, можно оказаться лицом к лицу с танком фактом, когда часть танков выйдет на строя еще до ввода в бой. Внимательное изучение местности позволило гвардии (ночью) сосредоточить танки в одном километре от вражеских позиций. Были детально обследованы также непосредственные подходы к деревне, занятой противником.

В-четвертых, командир части обычно проследил, чтобы между пехотными, которых требовалось посадить на танки, и танкетками имелась детальная договоренность. Особое внимание было уделено артиллерийской поддержке танков. Перед командиром предусматривал, что немцы могут внезапно открыть артиллерийский огонь из рощи, находившейся в стороне от деревни и поля молчанья.

В этом бою танки являлись основой взаимодействия. Именно отсюда исходили все расчеты армянки как для пехоты, следовавшей за танками, так и для артиллерии. В тоже время организовано взаимодействие пехоты, проводящей первую линию немецкой обороны (оковы впереди деревни), а затем подающей дробы и блиндажи у самой деревни и возвращаясь к ней. Фашисты бежали, оставив на поле боя шесть противотанковых орудий и сто пиджакет пушек своих солдат и офицеров. Восемь немцев было захвачено в плен. Батальон потерял в этом бою один танк и в то же время нанесший большое количество вражеской техники. Насколько велик был урон, неизвестный врагу, можно судить хотя бы уже по тому факту, что только один танковый экипаж, который возглавлял лейтенант Полюнов, за четыре часа боя вывел на строя пять элементов противотанковых орудий и три станковых пулемета с их расчетами.

Вот каких блестящих результатов можно добиться, действуя слаженно и четко!

Разговоры о том, что танки все могут,— вредные разговоры. Не надо ждать от танков каких-то чудес. Чудес не бывает! Танки без пехоты или других родов войск обычно не дают и половины того, что могут дать. Советские танки обладают огромной наступательной мощью. Их технические свойства отличны. Наши танкетки показали образцы смелости, выдержки и выносливости. Даже поляна в необычайно сложную обстановку, они напослали врагу совершительные удары.

Впереди еще много упорных бит. Но мы знаем: механизмованным плацдармом врага мы противопоставим грозную бронированную силу, о которую фашисты и разобьют себе голову.

(Окончане очерка П. Капицы «Славные смерти».)

До катера остается не более трех метров. Рядом плещется спасательный круг. Но сил больше нет. Он все отдал в борьбе с волнами. Руки и ноги уже не двигаются, они одеревенели и не слушаются. Такое состояние бывает только в кошмарном сне, когда человек в ужасе бьется, кричит, пытается разорвать крепкие туги, связывающие все тело, а у него нет сил повзрыг и...

Высокая волна подбрасывает Творогова и тащит в сторону. Катер опять удаляется. Еще одно усилие, еще Творогов с трудом дышит, ему кажется, что он уже давно потерял способность двигаться. Медленно он плывет вперед, потог он уже у самого спасательного круга. Надо хвататься за него! Творогов прожигает взгляд, и... труса собственного тела тишет его вину. Он проваливается в холодную бездну.

В эти минуты секунды он вспоминает теплые руки матери, жену, у которой внахлп должен появиться ребенок. «Нуужелк уютно? Нет! Во имя их, во имя всего моего—вперед!»

Он делает невероятные усилия: работает плечами, головой, всем корпусом—и стремительно вылетает на поверхность моря, прямо у спасательного круга. Он протаскивает в него руки и крепко сжимает плыцы.

Его лок и атаскивает на катер вместе с кругом. И с трудом разжимают плыцы.

Он лежит полумертвый от напряжения, усталости и не может проныкать ни одного слова. Неожиданно с моря раздается выстрел, за ним другой, третий... Творогов медленно поднимает голову.

— Это командир... Власов стреляет из пистолета,— еле шепелит он губами.— Скорее на помощь...

Лейтенант, как в бреду, поднимается сначала на колени, потом во весь рост. Он слышит, как отдаются приказания, как атаскивают на катер командира Власова и моториста Мельникова.

Теперь все в порядке. Можно пойти обогретье, но, раньше чем спуститься в кубрик, он вместе с Власовым отжмеканет глазами среди волн свой маленький корабль, чтобы навсегда попрощаться с ним.

В этот момент изувеченный катер переворачивается вверх килем. Он видит, как по ступеням уходит в черную воду.

У обоих лейтенантов подступают к горлу твердые ком, туман застилает глаза. Они плачут горячими слезами моряков, терпящих родной род от князя до клоуна, любимый корабль, который носил их по всем штормам, выручал из всех бед.

Гибель корабля—это единственный случай, когда балтийцам позволительно плакать, не стыдясь слез. И никто не посмеет упрекнуть за это. Таков закон боевых моряков.

— Мы отстали за тебя!— шепчет Творогов и до христа сжимает кулаки.

Они метались! Метались на другом катере, проводя подводные эскадры в глубокий тыл врага, отбивая яростным атаками бомбардировщиков, расстреливая торпедные катера противника. Они плавали до глубокой осени и вернулись в Кронштадт последними, пробиваясь сквозь льды.

Действующий Краснознаменный Балтфлот.

Пехотинцы при поддержке танков атакуют вражеские укрепления в районе Н.

Корабли наш стоял в ремонте, половину команды и меня в том числе выслали на берег. Мы несли старую службу по Ленинграду, а поселились не в Бадальско-флотском общежитии, где обычно живут моряки, а отдельно — на окраине города, в четвертом этаже выстроенной кад. раз перед войной школы-десятилетки. Жили отведенное нам было приличное: высокие чистые потолки, окна во всю стену, а напротив, через дорогу, сад.

Рядом со школой находился военный госпиталь — огромное здание, занимающее почти целый квартал. Часто мы видели, как автобусы с красными крестами на крышах и с забеленными стеклами подвозили в госпиталь раненых бойцов и командиров с запада Пскова, из-под Кингисеппа, — словом, из мест, где в ту пору протекали жаркие бои. Мы видели, как санитары бережно вытаскивали из машины на носилках раненых, как несли их вверх, к лазарету госпиталю, и у каждого из нас закипало на душе: «Вот, люди сражаются, жизнь свою отдают за родной город, за общее наше дело, а мы здесь как на курорте: первую половину дня отдыхаем, обедем, потом обычные занятия, как в мирное время, и только смеркаться станет, — полуавтоматы на ремеш, гранатушку сумку сброси и давай разгуливать по своим участкам. Ходим-бродим до гаснетца по пустым ленинградским улицам — пропуща проверем, и, казалось бы, ни к чему все это: в городе тихо, никаких особенных происшествий. А тут, рядом с жильем нашим, в соседнем доме, дежат люди, побывавшие уже на фронтах...»

Дальше-больше — стали мы доминать командиры нашего, лейтенанта Марьямова: «Кто-то же на фронт нас откомандируют или на корабли? Намедонь уже разгуливать по городу, на фронте люди жизнью своей жертвуют, землю родную защищая, а мы здесь харчи государственные еда переводим?»

— Ничего, друзья, погодите, — отвечал нам лейтенант Марьямов, — война разгорелась большая — и всякий рано или поздно ляжет в ней свое место. Что же касается напрасного перевода государственных харчей, то здесь я с вами никак не согласен. Мы не разгуливаем по городу, как изволили выразиться краснофлотец Панченко, а охраняем штабдел пролетарской революции — город Ленинград, производим своего рода глубокое траление на его улицах. Вам думается: все в городе тихо и спокойно, а ведь не забывайте, что здесь когда-то стояла Российская империя была, царь здесь жил, выражаясь интеллигентно, опрокинувший насаждая в семидесятом году. Царь-то был один со своей царичей-тенькой, а вокруг него царедворцев всяких толпились уйма, и многие из них немецкого происхождения. Возьмите, к примеру, Васильевский остров — сколько там немцев в свое время косячили, на чужих слезах жили толстосуды и металл всю Россию к рукам прибары! А тут их бах — и по шапке! Прощайте: разбав не мог кто-нибудь из них до наших

дней дожить и теперь, ожидая прихода Гитлера, шлодны нам в тылу? А что вы думаете: разве не могут немцы попробовать десант свой сбросить даже в центре города, как они сбрасывали их в Европе? Все может быть, и ко всему мы должны быть готовы, вот для чего и усиленные патрули и бдительность трояная.

Должен сказать, что подобные беседы лейтенанта Марьямова производили на нас глубокое впечатление. Бродим мы, бывало, после разговора с командиром по пустым улицам любимого города, но уже по-иному мирный и спокойный пейзаж его разглядываем, каждого дежурного у ворот, каждого встречного прохожего долго провожаем взглядом. Пусть даже пропуск у него оказывается на право хождения в ночную пору, но и другие документы заодно проверем: один проверяет, а другой тем временем к поярочю одних этого встречного приглядывается: к толщоте его прищупывается, всякие нештатные вопросы задает: куда, мол, шук не держите я где проживаете — и все такое прочее.

В ночь первой крупной бомбежки мне выпало дежурить по кубрику. Кроме меня на весь четвертый этаж школы было еще два человека — краснофлотец Панченко, заболелший гриппом, и старшина второй статьи Арменков.

Небо в эту ночь над Ленинградом было чистое-чистое, толтые звезд, и, помнится, светила также ярко луна.

Образнее светом луны, фасады затененных домов сплошь блистели, лунный свет их как бы в одну краску выкрасил, дорожки лунные изборозжили Небу, и, когда внезапно зашумели сирены, я подумал, что лучшего времени для вылета не придумаешь. Ночь была, словом, такая, как в песне украинской поэтессы: «Ніченька, господи, місячня, зоряно видно, хоч толк собаря!»

Потушив несоду свет, и одно за другим распахнул окна и говорю Панченко и старшине Арменкову: «Давайте-ка, товарищи, в бомбоубежище» (такова инструкция дежурному была — всех незваных нарядов людей в убежище отправлять), а он — ни в какую. А Панченко мне еще говорит: «Да что ты, — говорит, — милый, смеешься или что? Буду я как ребенок в подвале прятаться! Да мы же и так в безопасном месте живем — заводов здесь доблестно нет, частей военных, кроме нас, тоже, — наваряд яли станет он бомбит наши краля!»

И только сказал это Панченко, слышим, приближается к нам воящий, противный звук финишского самолета. Мы по звуку его сразу отядались: воег подло, с паузами, вибрирует. Словом, звук крайне неприятный.

Мигом по небу прожестора — заширшил, зенитки тоже дают жару — разные снаряды амальками на овальном небе: маленькие желтоватые вспышки — точно кто-то забрался туда и свечечки, зажигает. То зажрет, то по-

Гитлер, то зажрет, то погасит, и все ближе и ближе к нам. А мы все трое в окно высунулись и следим за небом: оно раскинулось перед нами широкое, звездное, простору море — удобно наблюдать, — напротив ведь сад, а за садом пустырь — есть где разгуляться взгляду. А самолет все ближе и ближе — загорелый уже зенитки нашего квартала. Дала первый зал батарея, установленная на крыше нашей школы, и в то же самое мгновение какие-то красивые и зеленые нитки выветнулись к небу из сада напротив.

Ракеты сниса тракторию, разорвались позади нас. Потом снова — одна, другая, третья.

Панченко еще шепнул: «Гляди, Коля, наблюдаатели батарея нашей цели ракетными поймают!» И впрямь было похоже, что те зенитчики-наблюдатели указывают стоящим у орудий своим товарищам, где немецкий самолет. Глухая эта мысль так зашла в голову, что я даже вначале забоболесал полетом разноцветных ракет, выпускаемых в небо невидимыми наблюдателями. Одну из них пустили прямо с улицы — и видел, как ракета взлетела по направлению к нашему дому, раскеса небо огненной желтой нитью, но кактеса ее не услышал, потому что как раз в эту минуту проносился вьнузу по улице, шурша попрышками, светлая легковая машина — «эмка». Самолет затих, и вдруг слышим — завыва бомба. Близко-близко. Удар страшной силы потрясе все здание. Воздушной волной нас троек отшвырнуло в глубь комнаты; падая, мы успели увидеть, как стою темнокрасного пламени кинетсяе гда-то в сад, и потом, в наступившей после врыва тишине, на истывающем воспламенился камин, куски земли, обломанные ветви. Вторая бомба упала сбоку госпиталю. Третья подальше, за школой.

Подумавшись, я услышал, что кто-то, стука каблуками, выбегает по лестнице. Я к нему навстречу. В лунном свете, который прорывался в открывающиеся двери, узнаю лейтенанта Марьямова. Бросяется он к окну и, задыхаясь, спрашивает:

— Откуда пускали ракеты, не видели?

А Панченко, погирая ушибленное темя, говорит ему спокойнеево так:

— Да вот из сада наблюдатели пускали и с улицы одну запустили, но, видать, не угадали точно, где самолет, бо удалое ему, холере, нащарывать бомб.

— Да чего же вы тогда стоите здесь! — как закричит вдруг лейтенант и приказав: Вы, Панченко, останетесь за дивальным, а вы, Кабров и Арменков, давайте со мной, дожить их!

Когда мы уже бежали по каменным ступенькам лестницы, держа в руках наперевес автоматы, я спросил:

— кого толк, товарищ лейтенант?

— Кого, кого? Ракетчиков — вот кого! — раздраженно ответил лейтенант.

Так впервые я услышал это загадочное еще тогда для меня слово.

Налет был коротким, и не успели мы осмотреть дачи целой улицы, паркетные в сады как сирени пролепи отбой и на пустынные бои улицы и тротуары хлынули из бомбоубежищ и подогрели зашумевшие воздушной тревогой прохожие. И вот, в далекие известнейших ракетчиков этой сумятицы, бесшумно, лениво, разумеется, сделав свое грязное дело, они пострашили побобрее смешаться с толпой. Мы вернулись в курьер, и когда ближе к рассвету пришла наша сестрица, полдня картина бомбежки представлялась всем. Краснофлотцы, занятые в ночных патрулях, рассказывали, что совсем недалеко от нас — улица за три километра — разрушена большая деревянная бомба, погребитель снарядом немецкой самолет. Флигелт тотчас же загорелся, и пока причмалась пожарная команда и затухал пожар, гансиз из команды подобного самолета успел основательно поджариться в огне из собственного взраждения. Другой самолет зарезался на тропе взростата воздушного заграждения и свалился где-то на Петровградской стороне, не успев сбросить бомбы, машина и команда тоже разлетелась в клочья. Но все эти сообщения о сбитах машинах интересовали меня гораздо меньше, чем рассказы о неизвестных ракетниках.

Краснофлотцы, ободившие во время бомбежки ушим города, подтвердили, что действительно в некоторых местах, только немецкие самолеты довели, в небе, были выпущены из лазутчиков сигнальные ракеты. Теперь всем стало понятно, что ракеты, взлетевшие в эту ночь над нашим кварталом, показывали немецким самолетам соседний госпиталь. Это было бесспорно, ибо мы уже хорошо изучили за первые месяцы войны повадки немцев бомбить санитарные поезда, госпитали, уничтожать с воздуха, вопреки всем международным обязательствам, обозначенным красным крестом. Мы применили также недавно расквасы лейбтенанта Марьямова о немецких агентах, заброшенных в наш тыл, о немцах, перешедших в миллисекунду форму, о десятках немчиц, вышедших на парад, — которые, возможно, попытаются гадать из-за угла.

Теперь ушим нашего города представлялись совсем иначе: даже вдали, что вдали, флоты проходили и здесь — на его площадях, в его переулочках, в его садах. Мы поняли, что не имеем права ныть и жаловаться, почему нас не послышат в вой, а должны уметь найти неожиданных врагов. Враги были рядом. Залились она ракетчиками. Но кто они были? Кто?

На другой день, когда часовые стрелки соедились на двенадцати, я уже был по приказу лейбтенанта Марьямова в саду. Рядом со мной лежал Панченко, который еще с утра перестал жаловаться на головную боль и устал от врача высокую температуру. Остальные краснофлотцы, как и в прошлую ночь, ушли в обход по городу.

Мы загляли между двух трапез, на густой траве, трава приподнята, и здесь, наискосок от прохожих, которые могли появиться на аллеях. Лежа, мы отчетливо видели освещенные душной вечерней тьмой школы и госпитали: даже белые букашки, полоски, избороздившие ослепшие стены госпитали причудливым узором, хорошо различались отсюда. Стоило же нам приподняться — весь сад прожмурился отчетливо, и аэрафлиторная улица перед нами, и вышки, и этажки домов, и бузка телефона-автомата на дальнем углу, около постового милиционера.

Лежа на росистой траве под высоким дубом, мы видели в проветах листьев такое же звездное и душно, как в ямке, небо и ждали налета порывов, но сигнал тревоги на этот раз был дан в начале порою. И без того уже глаза ушли как бы замерли, только слышно было, как переговариваются у ворот и на крыльях далеко, жужжат за горами, слышно очень далеко, полыхающая оеинка, встречая шорох на подступах к Ленинграду. Как и в предыдущую ночь, лучи прожекторов стали обжигать небо: они то забегали в разные стороны, то соединялись как юнцами. Изредка луч прожектора где-то под звездами

натянулся за взростат воздушного заграждения, и в небе на мгновение словно заредело подбежало. Но вот я увидел, что над прожектором вспыхнуло одно желтое пятнышко зенитного разрыва, потом другое. Вспешки разрывы подымались к зениту, глухие звуки их доносились к нам единично позже. Наконец загудел самолет; прерывистый звук его моторов приближался. Несколькo глухих взрывов похлещались где-то рядом, в соседнем районе. «Эх, уже стали шварцать!» — подумал я и исторжился. Когда жужжанье стало востенно слышно почти над самой головой, трудно было удержаться, чтобы не глянуть на небо. Тусклые от лунного света звезды заискрились в глазах, но самолета я не увидел: он шел на большой высоте, — и вдруг огненная жемчужка ракеты заметнулась передо мной к небу, указывая на госпиталь. Откуда пустили ракету, я проворонил.

— Вот гадука, неужели он туда забрался? — шепнул Панченко, прихватив на колени и не сводя глаз с отдаленно стоящего дома за госпиталем.

— За углом откуда?

— Видел, — сказал мне Панченко, вставая, — я смотрю туда и слышу, если подмога подобиется.

Самолет прожмурило все кружил над головой, но бомб не бросал. Он выстраивал цель. Теперь я остался один и, чтобы видеть все полнее, прислонился к толстому дубу. Вот снова ракета перевернула небо — сейчас ее пустили из-за госпиталей, с той стороны, куда отправился Панченко, и вслед за ней из-за поворота, светлые синими глазками фар, выехала смельная летювак машина и промчалась передо мной. Кто же пустил ракету? Кто?

Прижимая автомат, я вступил из-за дерева, силась различить каждый шорох в саду. Глухо ворча, машина повернула за угол нашего двора.

Воспешный звук падающей бомбы заставил меня присесть.

Удар!

Бомба взрелась где-то поблизости, меня качнуло, стекла зазвенели в окнах госпиталей и помыслились, поблксывая в лунном свете, на асфальт улицы. Различил сигналы своих ра-

кетчиков, фишет вился где-то высоко над нами, обнаружив вешками зенитных снарядов, и не успевая даже издать что-то за себя, дернулся. Пропла минут, другая, третья. Самодомы не ухидли. «Видно, добить, есть?» — подумал я, и в ту же минуту в небе мелькнула ракетка, и не успевая увидеть, как на крыльях стонущего посылала дома раздался тревожный свет, затем хлопнул выстрел и я услышал голос Панченко:

— Держи, держи!

Кто-то побежал, гулко грохоча по жести сапогам, но тут опять завалил бомба. Не догадался, пока она упадет, я бросился на помык Панченко. Вотник скользнул по морской траве, сходил и перескочил траншею, пересек тротуар и только хотел было выбежать на улицу, как увидел, что в воздухе висит легковоздушная машина. Хрустя щипами по боному стежку, она малаясь прямо на меня. Я отпрянул в тень под дерево и увидел отсюда, что шюфер чуть-чуть приториковал. Дверка машины на ходу открылась, изнутри кабычки вылезли человек и выступил по госпитально красную ракету. Она завалилась над крышей, и тут я, выбегая на освещенную луной улицу, бросился заветать машине, одной рукой застывая гранитную тумбу, а в другой — ставившись быстро выхватить оттуда гранату.

Я передвинул предохражденную чеху и, когда машина была уже совсем близко, метнулся ей навстречу гранатой.

Отбегая к ближайшему дубу и причесав за него, я заметил, как граната легко и безобидно два раза подпрыгнула на мостовой, будто жестянка какая, и вдруг, когда тень неэластичной машины покряхтея, она, она рухнула.

Машина словно на дымке встала, потом ее круто занесло, и, выскочив на панель, она в каких-нибудь десять шагов от меня взрелась в рожне около самой панели деру. Но теперя это была уже не машина, а лишь остов ее. Стекла в салоне ветром выдуло, дверь распалубилась, радиатор покорежился, а из открытой двери наружу высовывалась голова лежащего в кабине пассажира, а из руки в поясацкой раб пустился к небу ракету.

Я не слышал теперь ни далекого гудения самолета, ни стрельбы зениток. Я подбежал к машине и, держа в руках заведенный полуавтомат, задышал, крикнул:

— А ну выходи!

Но выходить, оказывается, было почему: шюфер тоже обмяк и овутился виле — складенная набок его голова выдвинулась из уюво руля.

По застой дунным светом улице кто-то бежал ко мне. «Ж не ракетчик ли это кака?» — подумал я, но сразу узнал знакомого милиционера. Это был Николай, светлая солдатский парень с окжним говорком — пост его находился около телефонной будки. Не пост во время обхода мы углядели его пантросами. Подбежал ко мне с виланом в руке, он отпустил машину, и мы сжались.

— Во черт, из машины присоблавились ракеты панталы! А я-то думаю: чего эта «эмка» легая все вертается вокруг госпиталей? Один раз проехала, другой, а потом вижу: ракетчик и две пушки. Я за пазлы и только хотел стрелять вагоночку — гляжу, ты гранатаю попрыгала или. Погоди, да ты никак ранен? — и милиционер показал на мое лицо.

Я провел ракетку по губу, пальцы напушили кров.

— Петушик, зарывай, — сказал я и попросил: — Ты, браток, повардуй пока все это хозяйство, а я товарища своего проведу.

Я помычал к отдаленному дому, в крышку которого слышался голос Панченко. Дежурного у ворот не было. Бобяев во двор, я растерялся, нессосредоточенно подбежал к гранитномуэтажному этого дома, но по какой из лестниц можно было взобраться на крышу, я не знал.

— Эй, паня, где на крышу-то вход у вас? — спросил я, увидев, что подошел к мне из тени вылетел паренек лет четырнадцати с повязкой дежурного на рукаве.

С криком влетела ракета.

Когда машина была уже совсем близко, а метель съ навстречу гранату...

— Да там и без вас народу хватает,— сказал он глухо и не очень любезно.— Вы, дяденька, к самому анкету поспешите. Слышите: спускаются?

Действительно, в глубине одного из подвездов послышался шаг. Через минуту по двор шагало несколько людей. Двое из них держали под руку третьего, довольно пожилого человека в простой ватной кацавке, бордатого, с виду неказистого и простого. Он хромал, тяжело волоча правую ногу, а левая, держа наперевес подушатом, шагала Панченко.

— Видал караса? — не без удовольствия сказал мне Панченко. — А вот и его ордия производства, ты только погляди, сколько! — и Панченко кивнул на кошколку, сплетенную из ивовых прутьев, которую следом за ним нес мальчик в форме уеника ремесленного училища.

Кошколка была доверку выполнена продуманно, потожима на толстые стальные спицы сигнальных ракетки.

— Его в контору жакта отдаем, что ли, товарищ мурда? — спросил у Панченко один из людей, ведущих старика.

— Да нет, давайте его лучше сразу на уенику,— сказал я.— Там для него уже компания подходящая подобралась!

Пока мы шли к разбитой машине, Панченко рассказывал:

— Я, брат, крышу засек, откуда ракета вылетела, воображал по лестнице и тихонько через службовое окно на жесть вылез в дуг. Вдруг слышу: точно кашлянул кто-то за трубой. Я туда. Только высунулся, гляжу: э тот тня сидит в тени, за трубой, на корточках и ракетный заряжает. Я подполз к нему еще ближе и пригнулся. Пустил он ракету, а в его штыком сразу в то место, откуда ноги растут, шпунел. «Ты что, мол,— шельму ему,— гадина, затеял?» А он, акцию, перелуцалась намереть и тоже мне шпотоном: «Что, что? Я деуюю здесь!» А сам пятится к стороне, подлет этаким! Я тут и закричал: «Держи!» А он как рванет — будто молодой. Пришлось ему в ноги пулю пустить, тогда привел сразу.

— А мы в жакте все никак понять не могли, откуда прыть у него такта,— кивая на ракетника, сказал один из конвоиров, средних лет человек в шлеме: — как декурных на крышу навзачать, он первый проселел. «Дайте, мол, меня туда, на верхотуту и я, мол, один со всеми захитительными бомбами управлюсь». Ну, иной раз, когда на дежурство людей не хватало, его одного на крышу послали, пумал: тебей у нас дворник, да ром, что за пятдесят ему, не бонит бо фаншистика. А он, оказывается, сам их приманивал!

Миллионер, пока я отлучался, уже втащил из разбитой машины на панель ее шопера и пассажира. Они лежали, повернутые окровавленными лицами к луце, одетые просто и ничем не примечо, как солдаты и уэличи жетельд города. Один из них стоял. Возле раненых миллионер поставил ящик с ракетками — такими же, какие были в плетеной кошколке, обнаруженной у старика.

— А это что за птица? — сказал миллионер, желвавшись а старика, я алруг, узнаю его, сказал чувствливо.— Да где это тебя вокалечили так, Харитонов? Никак бонит?

— Э та птица, товарищ постова, называет

ся ракетчик, — ответил Панченко, — а птица ее оособого сорта, вот они! — и ткнул пальчатком в сторону коровны с ракетками.

— Да ведь это дворник дома сорок пасеть Харитонов, — прогудел слегка огорошенный милиционер, заглядывая в коровну. — Неужели он...

Тут милиционер подбежал к старуке и, завладев за ворот кацавки, уже другим голосом закричал:

— Ах ты, шкура продажная! Да за что же твоя птица пона, мерзавца? И еще кахалась тебе: дворник, мол, Харитонов есть у меня образован! — ушлица всегда носила его дома чисто вымытая и во дворе, а ты вот, значит, кто на самом-то деле! — и милиционер в сердцах замкнулся, чтобы дать дворнику оледуку, но Панченко остановил его.

— Погоди, друг,— сказал он,— на кой ляд по мелочам размениваться? Уж пускай этот гусь ответит за все сразу.

Следовател военного трибунала, у которого мы с Панченко пробыли вкоре, рассказывал нам подробно обо всей этой честной компании, задержанной нами около военного госпитали. Оказывался, дворник дома сорок шесть во нашей ушлице был вовсе не Харитонов — настоящая его фамилия до революции была Хамершмидт, имя — Кард, а по батюшке — Готтлович. Имел этот Хамершмидт в старом Петере две конфектных фабрики и лютком дома оособных такого примерно каибра, как и отдельный дом, в котором он служил дворником и с крыши которого пускал ракеты. А мостовую действительно он пометал хорошо, со свойственной его немецкой душой аккуратностью, и продажал он в дворниках не больше не меньше, как двенадцать лет.

Но одно, как говорится, другому не мешает. Харитонов и фабрикант Кард Хамершмидт отлично уживались в одном человеке и даже не брезговали дареной кружкой пива, которую ставил им как бы в премию постовой милиционер.

Другие же два ракетчика оказались людьми злетанными. Это были два молодых шпимона-парашютиста, окончивших шестимесячную школу диверсантов в Магдебурге. Их обследила около Сестроренки. Пеншом они должи уже до самого Ленинграда и тут заметали, что на шоссе остановилась светлячная «эмка». Шofer ее менял колесо. Они дали ему закурить все гайке и потом, всегда шofer принят и закурил, ударили его по голове рукояткой маузера. Уже лежащего они добили его, забрали все документы, права и сбросили труп с насими в кустарник.

Так вот машина № 24-58 2-й Ленинградской стройкорпуса несколько дней находилась в руках у закятых наших врагов. Один из них полух сразу: осколки гранаты пробили маленькую заминательную в его книжке,— но другой был ранен легко, и разговорить его не представляло следователю оособого труда.

Мне осколок переднего стекла машины рассек лоб. Теперь я меченый — как главу в зеркало, увижу шрам и немедленно вспомню, как мы с Панченко в первые месяцы войны ловили вражеских ракетчиков — проводили глубокое травление на суше, на ушлицах великого Ленинграда.

А вы, друзья, мне хотелось сказать на прощанье вот что: если доведется, может, кому из вас быть под бомбежкой и заметить, что поблизости взлетают в небо сигнальные ракеты, не заблуждайтесь и не думайте, что это лишь небольшие взрывы своим батаркам под показывать. Бегите сразу к тому месту, откуда пустила ракету, и накрывайте врага, где бы он ни был: в машине, так в машине; на крыше, так на крыше.

От пункта Н. на запад

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Зори в туман, овраги косые,
В шапках синего сивга леса...
Вот они, наша слава,— Россия,
Наша молодость, наша краса,
А метель заметает в лощинах
Безымянных моих горбыли,
То залетает в снега бесприничных,
То приростает до самой ушлики.
Вот прошил пятачки и тапки,
Тягачи проползли скрежена.
Вот в поселке и на полустанке
Бродят жители, крова яша.
Много дней не найти им ночлега
И озбиных не выпрямить плеча,
На кроватях, торчащих из снега,
Не блякуют детей, не приречь,
Что же это случилось?

Откуда
Лени в рыхлом снегу, как столбы,
Да железа германского гурда
За обугленными срубам избу?
Эт фронт.
Ни даяс он, ни близок.
Но, как ранней весны торжество,
В неснях выюга, а шальных ее выгах
Замирающий грохот его.
Тая зенитка ил бахнет внезапно
Иль прожектор рванет горизонт,
Он ухонит все дальше
На Запад —
Наш каравоний Западный фронт.
И, в бирале крутом нарастая,
Вся вставая к утру серефом,
Возвращается славаиная шаг
На зывожный аэропорт.

Послание внукам

Вы узнаете нас после трудовой зими,
Но еще до весны, по слезам уругам,
По работе, которая так дорога нам.
Высота — это мы.
Быстрота — это мы.
И огонь — это мы.
Он недаром гудел
И метался в плавильнях и пурпурных горнах.
Столько было у нас лихорадок рекордных,
Столько начатых дел,
Столько превращенных дел,
Столько замислов!
Что ж! По горачим следам
Изучите, исследуйте, выните, троньте:
Мы отключили на вром, встанем на фронте,
За рулем, у станка,
Там и тут, тут и там —
Это мы.
Вы узнаете нас все равно
В вашей собственной юности, полной
предчувствий,
В ваших стройных постройках и в вашем
искусстве,
В вашем счастье, которое вам суждено.
Наши дымок —
Метеора летящего следа.
Наша сия —
Мотора гуающего ритм.

По заванянам глазам и по лицам избритым
Вы узнаете нас через тысячу лет.

СТАНКОВЫЙ ПУЛЕМЕТ

Капитан П. ВИТРЕНКО

Поразительно лейтенанта Завально находилось в аэраде. Под елью, на небольшой высоте, лежал тщательно замаскированный авиационный пулемет Воровбы и внимательно наблюдал за дорогой.

С расстояем до дороги началось движение.

— Товарищ лейтенант, — доложил Воровбы командир, — вперед противник.

По дороге шла группа немцев. Воровбы выстрелом в хладнокровно ждал прихода командира. Финиш был близок. Вот они уже в семидесяти метрах.

Огонь!

Данный очередь Воровбы уложил около десяти гитлеровцев.

Через некоторое время появились три вражеские танка. За ними следовала пехота. Когда вражеские машины,

спросыevano на пулеметные обочины дороги, подошли на 200—300 метров, истребитель танков открыл огонь. Пулеметчик Воровбы в упор стрелял по обзорным штырям танков. Подбитый головной танк загорелся на месте, загорахи остальны. Следующие за ним танки тоже остановились. Фаншкетская пехота бросилась в атаку.

Ленту за концы выпуска пулеметчик Воровбы. Ловко меняя огневые позиции, он стрелял по врагу то из-за куста, то из-за елки, то во фланг. В этом бою пулеметчик Воровбы уничтожил свыше пятидесяти немцев. Враг был вынужден отступить.

Такова роль станкового пулемета — этого грозного нехотного оружия. Сила его возрастает во много раз, когда пулеметом управляет отлично подготовленный, стойкий и мужественный, хладнокровный пулеметчик, такой как товарищ Воровбы.

Боевой опыт доказал, что станковый пулемет, если его обслуживают отважные бойцы, в открытом бою выдерживает для пехоты противника до тех пор, пока есть патроны и жива хотя бы одна пулеметная.

Огневая мощь пулемета исключительна. Эта необычная машина представляет собой как бы фабрику застрела. Отменный дымовый реулился из дула пулемета, может в одну минуту уничтожить открыто наступающее подразделение пехоты или конницу. В вышестоящую отечественную войну было много случаев, когда один пулемет останавливал атаку роты и даже батальона. Пулемет вырабатывает в минуту триста, а в отлучивший пулеметчик — до четырехсот пуль.

Иногда оружиебыки-изобретатели стремились повысить скорость стрельбы, увели-

чить совершенство конструкции пулемета, устройство патрона, прямые зарядка. Стремясь ускорить темп стрельбы, изобретатели строили многоствольные пулеметы. Еще в конце XIX века в европейских армиях можно было встретить существование вышестоящих пуле-

тем выдвигал гильзы из патрона и поодиночке в выходящую трубку, отдача и выстреливает ее наружу. Каждый из его движущихся частей за один выстрел делает два движения, то есть до 20 движений в секунду, а при непрерывной автоматической стрельбе, то часто бывают и самые напряженные моменты боя,— до 1200 движений в минуту. Вот какую работу выполняет каждая часть выстрела! Поэтому за ним, как и за всем пулеметом, необходимы тщательная подготовка.

Пулемет питается патронами, снаряженными в ленты по 250 штук в каждой. Патроны помещаются в специальные гнезда ленты. При стрельбе из вышестоящих пулеметов лента из ручного пулемета бокси выкатывается в специальную часть — дульную гильзу. Ствол пулемета помещен в кожане, куда выкатывается для охлаждения ствола при стрельбе специальная жидкость. Во время стрельбы жидкость в кожане нагревается и закипит; для выхода пара трубка в кожане имеет шароуловную изгибу.

Станок системы Соколова, на котором работает пулемет, имеет специальный механизм на опущенном выстреле огонь; по узкой цепи в одну точку, по широкой цепи — с рассасывателем, а во вторую повсюду наступают очереди изобретательных приспособлений, одновременно вести огонь и с рассасывателем огня по фронту и в глубину.

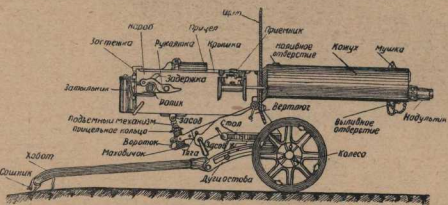
Станок состоит из остова и ствола. Остов соединяет все части станка. Ствол соединяет тело пулемета с стволом и служит для навода пулемета на цель. Так называемый верхний продольный для горизонтальной навочки пулемета и горизонтального рассасывания при стрельбе; два продольных механизма служат для стрельбы и точной вертикальной наводки.

От огня врага пулеметника предохраняет щит. Пулемет — сложный механизм. Для того чтобы он безотказно действовал в бою нужен любознательный дуля. Каждый винтик должен быть исправным и на своем месте.

Станковый пулемет обслуживает целая группа бойцов: начальник пулемета, наблюдатель-дальнометричь, наводчик, прокладчик, наводчик для подгонки патрона и есиковой. У каждого из них свои обязанности. Надо наладить патроны боевую машину, выключить пулемету больше трескот пуль в минуту, поддерживать от отменный дымов товой в цель, быстро переменить шаг огня противника оружие с одной позиции на другую. Эта сложная работа полагается своим свое расчета.

А если в бою будет огонь или убит один из бойцов пулеметного расчета? Неужели тогда пулемет замолчит? Конечно, нет! Выбираем по строе боя немедленно заменит его товарищ. Если даже из всего расчета останутся в одном только опытный человек, пулемет будет стрелять до последнего патрона, до последнего залоча пулеметника.

Каждый бой пулеметного расчета должен быть готов заменить любого из своих товарищей. В станковом пулемете и вальном пулемете каждый навочник — все они должны перенять устройство пулемета, уметь правильно и быстро произвести, метод изобретательности. При такой взаимозаменимости каждого навочника расчет сохранит свою способность в любых условиях, под самым жестоким огнем противника.

тов — так называемую каретчину, тяжелое оружие на станине, с многозарядным магазином. Каретчина зарядилась вручную — вращением особой рукоятки.

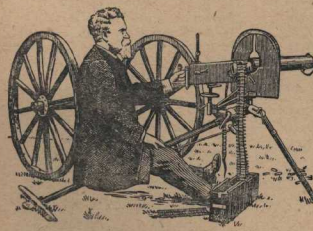
В восьмидесяти годах прошлого столетия американский инженер Хирам Максим сконструировал первый образец тяжелого автоматического стрелкового оружия. Его «машинное оружие» давало в военных целях выстрелы с большим недружелюбием и опаской. Но Максим неустанно совершенствовал свое оружие. Много потрудились нава улучшением пулемета и другие изобретатели. В результате этого большого, колоссального труда пулемет стал тем грозным боевым оружием, без которого не мыслить себе представить современную войну. На вооружения нашей армии состоит станковый пулемет, Максима образца 1910 года и образца 1939 года.

Принцип, на котором основана работа механизма пулемета, — использование энергии пороховых газов. Каждый кому приходится стрелять из винтовки или хотя бы из обыкновенного охотничьего ружья, знает, что такое отдача, которая толкает пулю вперед и назад. Часть энергии пороховых газов при выстреле тратится: безвозвратно производит отдачу. Изобретатель пулемета захотел направить энергию отдачу на полезный путь, использовать ее для перезарядки оружия.

Пулемет состоит из двух основных самостоятельных частей: тела пулемета и станка, на котором оно устанавливается.

Ствол пулемета, как и всякое другое оружие, направляет пулю при выстреле. Канал ствола имеет нарезы, придающие пуле вращательное движение при полете. Благодаря нарезу пуля сохраняет устойчивость при полете, и ее пробивная сила от этого возрастает. Калибр ствола пулемета такой же, как и у винтовки,— 7,62 миллиметра. На конце ствола помещен надульник, который служит для усиления действия отдачи. Это как бы камера, в которой накапливаются пороховые газы при выстреле. Они толкают ствол, а вместе с ним и все подвижные части. Энергия этих газов производится и в перезарядке пулемета.

Зажим пулемета выполняет во время автоматической стрельбы очень важную и сложную работу. Он выталкивает наводчик из ленты и досылает ее в патронник, плотно зажимает канал ствола при выстреле, воспламеняет капсюль, за-

Хирам Максим, изобретатель первого пулемета.

Бойцы подразделения, которым командует лейтенант Яковлев, закрывшись на одном из скатов высоты, готови обрушить на врага лавину пулеметно-ружейного огня.

Скорострельность, точность стрельбы, возможность вести огонь и в одну точку, и с рассеиваемым по фронту, и в глубину — не единственные достоинства станкового пулемета; ему присуща также большая гибкость огня.

При стрельбе из пулемета можно очень быстро перевернуть огонь с одной цели на другую, уничтожая врага по частям, быстро сосредоточивать огонь нескольких пулеметов на одной живой цели.

Станковый пулемет нужен в любой момент боя. В начале наступательного боя станковые пулеметы прикрывают развертывание сил, доподлин артиллерию и минометы, они прокла-

дывают путь пехоте, чтобы она возможно ближе и с наименьшими потерями могла дойти до рубежа атаки. Во время атаки и боя в случае обороны противника станковые пулеметы, не отрываясь от своей пехоты, наступают своим огнем отступающего врага или отражают его контратаки.

Если мысленно проследить за полетом пули, вышедшей из пулемета, то окажется, что она летит низко над землей. Настильности — очень важное качество пулеметного огня. Низко летящая пуля за значительной продолжительности своего полета может поразить цель высотой в человеческий рост. Установив перед передним краем обороны, на флангах пулеметы, можно создать подлинную огневую

стену, сквозь которую прорваться наступающей пехоте будет очень трудно.

Непрерывный пулеметный огонь применяется только при отражении атаки. Обычно же огонь ведется очередями по 10—30 патронов.

В примере, приведенном нами в начале статьи, видны характерные черты тактики станкового пулемета: скрытность и быстрота огневого наведения. До поры до времени пулемет лежит на обозначивает себя; если бы он начал действовать с самой дальней дистанции, то враг успел бы спастись. Пулеметчик, укрывшись, выжидает, когда противник приблизится на выходящую дистанцию, и внезапно, как молния, обрушивается на него огнем. В течение немногих секунд он поражает врага.

Станковый пулемет может так же успешно вести борьбу с вражескими самолетами с расстояний до тысяч метров, а со специальной установкой и с особым прицельным приспособлением — до тысяч шестот метров.

Отличные пулеметчики пользуются в Красной Армии славой и уважением. Президиум Верховного Совета СССР утвердил специальный награждающий знак «Отличный пулеметчик». Этим знаком награждаются тот, кто отлично владеет пулеметом и умело применяет его в бою, кто наносит чувствительные потери противнику, быстро открывает и закрывает огонь, поражающий врага огнем по закрытым и открытым целям, умело маскирует себя и свой пулемет, всегда сохраняет в боевом состоянии оружие в любых условиях фронтовой обстановки.

Стать отличными пулеметчиками — мечта многих советских воинов. Но для этого нужно прежде всего образно изучить это сильное оружие, знать каждую его деталь, научиться владеть им так же мастерски, как владеют им лучшие пулеметчики отечественной войны.

ПОДУМАЙТЕ И ОТВЕДЬТЕ

какая пуля пролетит дальше?

В Красной Армии применяются две пули: «легкая» (9,6 грамма) и «тяжелая» (11,7 грамма). Ответьте на два вопроса: которая из этих пуль пролетит на более дальнюю дистанцию? Объясните: почему одна из них пролетит дальше другой?

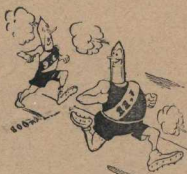
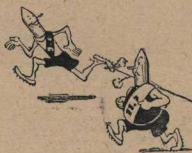
Калибр обеих пуль одинаков — 7,62 миллиметра. Учтите также, что обе пули вылетают из дульного отверстия с одинаковой начальной скоростью, имеют одинаковую обтекаемую форму и, следовательно,

но, сила сопротивления воздуха при их движении одинаково велика. Советуем, однако, не смешивать силу сопротивления воздуха и результат ее действия.

почему одна пуля перегоняет другую?

Из одного места одновременно произведи два выстрела: один — «легкой» пулей, которая весит 9,6 грамма, другой — «тяжелой», весом в 11,7 грамма. Проследите за их движением.

Из дула оружия «легкая» пуля вылетает с большей начальной скоростью (865 метров

в секунду), нежели «тяжелая» (800 метров в секунду). Первые несколько сот метров «легкая» пуля летит вперед, «тяжелая» отстает. Но постепенно «тяжелая» догонит «легкую» и на расстоянии 700 метров от вылета перегонит ее и дальше уже летит вперед, развивая большую скорость.

Подумайте и объясните это своеобразное явление: почему на меньшей дистанции вперед летит «легкая» пуля, а на большей дистанции — «тяжелая»? Считайте для простоты, что сила сопротивления воздуха при движении обеих пуль одинакова.

С. Вальдгард

СТРАХИ — УЖАСЫ

Л. ЛАГИН

СКАЗКА

Рисунки Н. Раилова

Сколько про этого Змея разговору было—ужас! И громадный он, этот Змей! И глаза у него, как колеса! И зубы у него, как сабли! И жалит он сразу и жалом и хвостом! И столетние сосны он одним взглядом сжигает! И еще к тому же сразу все загалтывает, кто попадет!

Находились даже очевидцы, которые будто бы сами видели собственными глазами этого самого Змея-Горыныча и будто он до того громадный, что даже вспомнить страшно.

Сорока, как только про этого Змея услышала, сразу же встала зная заповодала в чмодалник, испорнула с перушки сосны на землю и сила у крота полноры с голландским отоплением за триста летчиков в месяц. Дрова хозяйские.

А крот, уложив личинки в сундучок, закопал его поглубже, чтобы никто не украд: я-де лучше пока что маленько поголодаю,

по до личинок не дотронуся. Можеть, еще не то будет. Шутка сказать—Змей-Горыныч!

Устроялась сорока на новой квартире, отдохнула маленько, подкрепилась чем могла и вылезла на крылечко поделиться впечатлениями.

Крот рядом с ней присел, го-

лодный, злой, и все волнуется, как бы у него кто личинки не украд.

А тут как раз заяц подошел, ушами прядет. Почтенный такой, многосемейный, не сорванец какой-нибудь. Вечерком морковку-другую съест, на балалаечке для собственного развлечения потрещает и рад. «И»,—говорит,—заяц нормальный, звезд с неба не хватало, прямо скажу: не обидевши. А поскольку где-то за тридевять земель будто бы Змей-Горыныч свирепствует, то я себе поставил задачу: главное для меня, и так считаю, в текущий момент—это выжить. Всех зайцев Змей-Горыныч не проглотит. Анось, меня как раз и не заметит. Я заяц некрутный. А если, в крайнем случае, он меня и заглотит, так и по своей внутренней комплекции вполне способно через черную нору у него и проскочу. Помощю хоросенью а снова жив-здорово.

Сядят они так втроем, вспоми-

А сорока вдыхает и говорит: — Я прямо-таки поражаюсь на медведя. Двое медвежат, жена наисах, а он хоть бы чуть-чуть струхнул. А между тем такого крупного телосложения! Ведь его же первого Змея заметит и глотает! Будь я, например, Змеем, я бы обязательно в первую очередь его заглотал. Перво-наперво, жирен; второе, одного миса пудов двадцать — не менее; третье, шкура богатейшая.

Крот говорит:

— Ко всему прочему я еще ужас какой нервный. У меня из нервной почве хроническая боязнь опасностей. Имею справку врача с печатью. Я даже капли такие принимаю: пятнадцать капель в еду, восемнадцать—после еды. И, представьте себе, все равно полнорусь.

Тут как раз прилетел воробей. Неудачный такой. Сорока даже его за птину не считала. Так себе-шлекодер. А воробей, между тем, удалой, авесьелый. Он до того, как Змей явился, ансамблем птичьей песни и пляски дирижировал.

— Вот какое дело, граждане,—циркает воробей шопотом,—мед-

что он на короткое время даже про личинки позабыл.

А то на полмюгу медведю азелте орлы, истреблн, соловья, стрижки, дятлы, снгары, мчалсь бобры-саперы, зисныи-развлекачи. Все население старого бора спешило со всех ног на полмюгу медведю.

Потом алали треск поднялся, грохот, свист, змеиное шипение. Поднялся и стал откатываться все дальше и дальше.

И вдруг они вылет снова: летит воробей-свиной. Ляпка замата трыпочкой, ил авесьелый.

— Как делат—спрашивает у него крот.

— Все в порядке!—отвечает удалой воробей.—Две големы уже у Змея отрубил, а в одной истребок как полдетит, так оба глаза и выключула.

— У него слы, окромя прочего, три големы запасные,—напомнил сорока.

— Ничего! Поюем! Ляка беда—начало. Шутка сказать, какая против него сила подня-

лась!—циркула наноселдок воробей и помчался дальше по своим свистам и хвостам.

Заяц посмотрел ему вслед и сказал:

— А хзур Змея этого до па шапка? А? Тогда я себе обязательно награду буду хлопотать. Потому что а мой чорт знает куда ударит, а в почти у самого фронта спря-

тается. Сорока сказала: — Я сама из норы на дерево перебраться не буду. Пускай мне выддут вспомоществование. Тем более что моя сестра против Змея сражается в первых рядах. Можете проверить.

Она обернулась к кроту, чтобы узнать его мнение на сей счет. Но крота уже и след простыл. Он давно сидел у своего сундучка и спешно, не пережевывая, глотал личинки. Он боялся, как бы сорока не востребовала их обратво.

А так как для здоровья первейшее дело—тишательно прожевывать пишу, то он склонялся себе страшнейшее несарение жельуда и к вечеру, не приходя в сознание, спох.

С чем и поздравляю дорожн читателей.

весь вслед сказать, чтобы все на Змея пошла.

Сорока говорит:

— Он с ума сошел. У Змея пять голов и еще на хвосте три завазых. Я лучше пойду прыгну, у меня от волнения голова разболелась, и ялов набок сводит.

Крот экстренно юркнул за него следом в нору: как бы она его личинки от волнения не скушала.

А заяц сказал:

— Можете считать меня трусом. Я не возражаю.

И задал хралюка.

Воробей поклонил крыльями, плюнула и полетел дальше склякчаться наорд.

Поднялся в лесу такой шум и топот, что сороке в норе со страху дурно стало, заяц чуть не сомася, а у крота так живогт свело,

Ответственный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. отв. редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А 50952. Печально к печати 3/III—42 г. Над. № 615. Формат 72×110 см. 3 п. л. За. в п. л. 98 000. Зак. 1686. Тираж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.